

Игорь Москвин «Смерть грабителям»

или
Ускользнувшее счастье

«КРЫЛОВ»

Игорь Москвин
Смерть грабителям, или
Ускользнувшее счастье
Серия «Исторический
детектив (Крылов)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70118725

Смерть грабителям, или Ускользнувшее счастье:

ISBN 978-5-4226-0423-4

Аннотация

Когда в столице Российской Империи грабители едва не зарезали главного железнодорожного инспектора действительного статского советника Горчакова, стало ясно, что разбойники требуют к себе самого пристального внимания и жестокого наказания. И почти сразу произошла серия жутковатых злодейств, подстегнувшая органы сыска. Кражи, поджоги, пролитие крови – и все улики указывают, что в центре преступной паутины сидит один человек. Начальник Санкт-Петербургской уголовной полиции надворный советник Владимир Гаврилович Филиппов самолично занялся расследованием. Однако судьба развернула череду событий совершенно непредсказуемым образом...

Содержание

I	5
1	5
2	15
3	20
4	29
5	31
6	35
7	40
8	44
II	47
1	47
2	49
3	55
4	59
5	65
6	70
7	75
8	80
III	90
1	90
2	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Игорь Москвин

Смерть грабителям, или

Ускользнувшее счастье

© Москвин И., 2022

© ИК «Крылов», 2022

I

1

День начальника столичной полиции, как правило, начинался с умывания холодной водой и плотного завтрака, но в то утро что-то пошло не так. Вначале Владимир Гаврилович разбил любимую чашку, потом выронил из рук уже прочитанную корреспонденцию, разложенную для выдачи чиновникам для поручений. Потом не очень вежливо ответил жене. Так что появился на службе, как обычно, около десяти часов пополудни.

Надворный советник Филиппов положил папку на стол, развязал тесёмки, тяжело вздохнул, потом с ненавистью посмотрел на возвышающуюся перед ним стопку бумаг с пометками для передачи к исполнению и вызвал курьера. Когда последний, агент нижнего оклада, явился, начальник протянул бумаги. И с надеждой спросил:

– Скажи, голубчик, много сегодня посетителей?

– Восемь человек, – чётко ответил курьер и, в свою очередь, подал начальнику несколько визитных карточек и листов с написанными фамилиями.

Владимир Гаврилович мельком пробежал глазами по списку.

– Ну что ж, проси!

Обычно на утренний приём являлось около десятка посетителей. Старики и старухи, мужчины и женщины, простые и привилегированные, с комическими и трагическими историями, с просьбами и жалобами, с делами уголовными и интимными. Без утайки изливали наболевшее.

Последним вошёл господин, более походивший на циркового борца высоким ростом и медвежьей фигурой.

– Здравствуйте, Владимир Гаврилович.

Филиппов кивнул и указал рукой на стул.

– Разрешите отрекомендоваться. Егор Иванович Елисеев, владелец механических мастерских, – и сел на предложенный стул.

Было видно, что посетитель не знает, с чего начать.

– С чем вы ко мне пожаловали? – чтобы прервать затянувшуюся паузу, спросил начальник сыскной полиции.

– Владимир Гаврилович, позвольте вас так величать?

– Будьте любезны.

– Владимир Гаврилович, – Егор Иванович пригладил бороду ладонью правой руки, – если уж я к вам пришёл, то... извольте. В большом сомнении я пребываю, вот что-то вот тут гложет, – он прикоснулся к груди.

– Егор Иванович, – Филиппов глубоко вздохнул, – давайте по порядку. Не хочу вас подгонять, но вы всё-таки найдитесь в сыскной полиции, а у нас... – и покачал головой.

– Может быть, я зазря к вам пришёл...

– Егор Иванович, уж если пришли, то рассказывайте, что вас беспокоит.

Елисей собрался с мыслями.

– Вчера у меня произошло несчастье: сгорел будуар жены. Так вот, я обеспокоен вопросом – поджог это или стечение обстоятельств? – На секунду он умолк и торопливо продолжил, боясь, что начальник сыскной полиции посчитает случай несущественным. – С одной стороны, возможно, пожар. Единственной причиной появления огня в этом случае могло стать то, что Елизавета, моя жена, делая причёску, так заторопилась, что забыла погасить на своём столе спиртовую лампу для накаливания щипцов. Пламя перекинулось на кисейные занавески, и они запылали.

– И в чём сомнения?

– Елизавета – такая домовитая хозяйка, и вдруг забыла на столе зажжённую лампу?.. Нет, этого никак представить не могу. Ей-богу, не могла она забыть! Ну не верится мне, тем более, что... – и опять пауза.

– Договаривайте.

– Может быть, вы посчитаете, что я выдумываю, но в тот вечер я передал на хранение Елизавете на семь тысяч рублей билетов внутреннего займа. Конечно, в пожаре бумага могла сгореть, но ведь драгоценности не могли превратиться в пар? – и испытующе посмотрел в глаза Филиппову.

– Значит, после пожара в будуаре не нашли ни единой драгоценной вещи?

– В том-то и дело, – Елисеев достал из кармана платок и вытер выступивший на висках пот. – Совсем я, Владимир Гаврилович, запутался. Вроде бы и подозрение есть, но вся прислуга у меня давно служит, в дом никто не приходил. А с другой стороны, билеты могли сгореть, золото и серебро – расплавиться, ну, а с камнями что стало? Исчезнуть бесследно не могли.

– Тоже верно, – в задумчивости произнёс Филиппов. – Вот что, господин Елисеев, поступим следующим образом. Я к вам пришлю сыскаго агента, он с вашим делом попробует разобраться, но...

Егор Иванович нахмурил брови и наклонился вперёд, выказывая заинтересованность.

– Я вас слушаю.

Владимир Гаврилович улыбнулся.

– Господин Елисеев, ничего особенного не понадобится.

Во-первых, у вас сохранились номера билетов?

– Так точно, – и Егор Иванович полез в карман.

– Это хорошо, – Филиппов взял в правую руку листок бумаги. – Во-вторых, у вашей жены есть горничная?

– Само собой.

– Есть, видимо, слуги, кухарка?

– Конечно.

– Так вот, мне надо, чтобы они ответили без утайки на все вопросы моего агента.

– В этом не сомневайтесь, – Егор Иванович выглядел се-

рѣзным, — ответят на все вопросы. — Потом сконфужено добавил: — Владимир Гаврилович, вы простите за визит, я целую ночь голову ломал: поджог или пожар? Так в сомнениях и остался.

— Егор Иванович, мы поставлены нашим государем на должности, чтобы с такими вопросами разбираться.

— Простите, ради бога, — Елисеев поднялся и, пятась задом, вышел из кабинета.

Филиппов тронул правой рукой кончик уса, задумавшись, кому поручить столь щекотливое дело. Потом вскинул голову и вызвал курьера:

— Вот что, голубчик, пригласи-ка ко мне Бережицкого, и срочно. Понял?

— Так точно.

Геннадий Петрович Бережицкий, полицейский надзиратель первого разряда, отличался исключительной педантичностью к дознанию преступлений, стремился дойти до сути и не стеснялся обращаться за помощью к более знающим сослуживцам. Не считал это зазорным, никогда не высказывал скороспелых решений. Вначале взвесит приходящие в голову варианты, а уж потом высказывает то, что более вероятно на его взгляд. Сам он был невысокого роста — пяти вершков. Виду непримечательного — когда ему приходилось за кем-то следить, его невозможно было запомнить, даже если объект сидел с ним за одним столом и смотрел на него в упор. Личность незаметная, такая, какой и должен обладать человек,

занимающийся сыскным делом. Недавно перевалил тридцативосьмилетний рубеж.

– Владимир Гаврилович, разрешите?

– Заходи, – махнул рукой Филиппов. – Не стой столбом, садись.

Геннадий Петрович опустился на стул и приготовился слушать. Не часто приходилось бывать в кабинете начальника, но иной раз и доводилось, да и то с кем-нибудь из чиновников для поручений. А теперь вот он один. Сразу в голову приходят прегрешения.

– Проедешь по этому адресу, – Владимир Гаврилович протянул визитную карточку, – и разберёшься, поджог там был или обычный пожар. – Да, чуть не забыл, – и рассказал о сомнениях господина Елисеева. – Тебе понятно?

– Так точно, – Бережицкий вскочил со стула, словно подброшенный пружиной.

– Да, ещё тебе в помощь, – Филиппов протянул листок бумаги с перечнем цифр, – это номера билетов внутреннего займа, разошли по финансовым учреждениям. Ну, ты знаешь, не мне тебя учить. А вот эту бумагу вернёшь мне.

– Понятно.

Филиппов поморщился, но ничего не сказал, только махнул рукой— мол, можешь выполнять поручение.

Не успел Владимир Гаврилович завершить приём и отправить полицейского надзирателя первого разряда Бережицко-

го на выполнение порученного задания, как резким металлическим звонком затрезвонил телефонный аппарат.

Начальник сыскной полиции опять скривился и, не ожидая ничего хорошего, заставил себя взять трубку и устало сказать:

– Начальник сыскной полиции Филиппов у аппарата.

В трубке что-то зашелестело, словно сухая осенняя листва под ногами.

– Господин Филиппов, с вами хочет поговорить Иван Александрович, – хотя связь оставляла желать лучшего, Владимир Гаврилович узнал голос секретаря градоначальника, надворного советника фон Петерсона.

– Слушаю.

Некоторое время в телефонной трубке, кроме шипения и шуршания, раздавались приглушённые голоса.

Филиппов представил, как генерал-лейтенант Фуллон берёт из рук секретаря трубку.

– Владимир Гаврилович, – голос сухой и немножко скрипучий, – я узнаю, что ваши разбойнички шалят даже на Малой Морской улице, в нескольких шагах от Дворцовой площади. Это форменное безобразие. Чуть было не зарезали, – градоначальник сделал паузу, видимо, принял от секретаря бумагу с должностью и фамилией пострадавшего, – главного инспектора, состоящего при Министерстве путей сообщения, господина Горчакова, да к тому же в собственной его квартире в доме номер пять! Владимир Гаврилович, займи-

тесь этой историей, и мне хотелось бы знать, как идёт дознание, чтобы не выглядеть гимназистом перед министром и государем.

– Господин Фуллон, я приму все меры к розыску и задержанию виновных.

– Вы уж постарайтесь, Владимир Гаврилович, я надеюсь на ваше умение.

Телефонную трубку положили на рычаг, и телефонистка разъединила линию.

Начальник сыскной полиции выругался вполголоса, скрипнул зубами. Он привык работать без лишних ревизоров, а здесь каждый из вышестоящих лиц если не возьмётся за контроль дела, то будет проявлять интерес, как же продвигается дознание по этому случаю.

Филиппов поднялся с кресла, снова сел и вызвал курьера.

– Голубчик, если вдруг... впрочем, ступай, не надо, – Владимир Гаврилович самолично прошёл к дежурному чиновнику. Сегодня эту обязанность исполнял полицейский надзиратель Игнатьев. – Пётр Николаевич? – начальник сыскной полиции посмотрел вопросительно, словно запомнил, хотя всех сотрудников знал не только по фамилиям, но и по имени-отчеству.

– Так точно, – вытянулся Игнатьев.

– Кто из чиновников для поручений в отделении?

– Господа Лунашук, Власков и Петровский.

– Хорошо, передайте, что жду в кабинете Лунашука и

Власкова.

Полицейский кивнул головой.

Через пять минут раздался стук в дверь. Первым прибыл Лунашук, вслед за ним появился и Николай Семёнович.

Владимир Гаврилович, стоя перед столом, осмотрел чиновников для поручений.

– Господа, спешу вам сообщить: к нам едет ревизор.

Полицейские изумлённо переглянулись.

Филиппов позволил себе улыбнуться.

– Это из Гоголя, господа, неужели выветрился из головы курс гимназический литературы? – потом тяжело вздохнул. – Сегодня произошёл налёт, как выразился градоначальник, наших разбойничков на главного инспектора Министерства путей сообщения, и не где-нибудь, а на Малой Морской, рядом, так сказать, с Дворцовой площадью.

– Понятно, опять надо найти крайних, – недовольно пробурчал Лунашук, – а они кто? Сыскная полиция. Убийство?

– Слава богу, только налёт.

– Не надо так категорично, Михаил Александрович, нас не всегда воспринимают как людей, которые должны предотвращать преступления.

– Совершенно верно, Владимир Гаврилович, разбойники только подумают о том, чтобы совершить злодеяния, а мы уже тут как тут.

– Вы что, сговорились?

Чиновники для поручений снова переглянулись.

– Да мы...

– Не стоит, господа, попусту бросаться словами, возьмите с собой двух-трёх агентов, да потолковее и попрезентабельнее. Им предстоит разговаривать с господами из министерств, и вообще... Через пять минут я жду вас у входа. За дело, господа.

Владимир Гаврилович облачился в пальто, подбитое мехом, и с шапкой в руке вышел из кабинета.

Полицейский надзиратель Бережицкий вышел из кабинета начальника с презрительной улыбкой. Мол, можно разобраться с таким заданием в два счёта.

Пожар или поджог. Что здесь сложного? Если не нашли ни единой золотой вещицы, даже расплавленной, то однозначно кто-то постарался, тем более пропали ценные бумаги на такую крупную сумму. А с другой стороны...

Но мысль так и застряла, пока не хотелось думать о деле. – Всё выясню на месте, – прошептал Геннадий Петрович. До Ружейной улицы, где находился дом господина Елисеева, было не очень далеко, с три четверти часа быстрым шагом, поэтому Бережицкий решил проехать на санях. Подозвал жестом «ваньку», с комфортом устроился на скамье. Невзирая на холодный декабрьский ветер, бивший в лицо, даже сумел задремать.

Расплатился, уже на тротуаре размял ноги и окинул взглядом пятиэтажный дом, выкрашенный в жёлтый цвет. Следов пожара на фасаде не увидел, потёр переносицу. Значит, выгоревшая комната выходит окнами во двор.

Калитка в кованых воротах оказалась открытой. Бережицкий проследовал через арку и оказался в довольно большом дворе.

– Любезный, – к Геннадию Петровичу подлетел мужчина

лет пятидесяти в коротком тулупе, когда-то белом, а ныне потемневшем от времени и грязи, – простите, а вы к кому будете?

Надзиратель окинул этого человека, судя по всему, дворника, внимательным взглядом с ног до головы.

– А вот ты, братец, мне и нужен.

– Из полиции? – тихо спросил мужчина и украдкой оглянулся, словно чего-то боялся.

– Из неё самой, – подтвердил гость. – А ты, стало быть, здесь дворником служишь?

– Так точно, пятый годок при доме состою, как построили, так и служу хозяину.

– И, стало быть, всех жильцов знаешь?

– А как же! И тех, кто у нас проживал, и тех, кто нынче живёт.

– Про пожар знаешь?

– А как же! Сам принимал участие в тушении, вона, выбрасывал из окна вещи, – он указал рукой на сугроб, из которого торчали какие-то закопчённые деревянные обломки.

– Что ж ты ни снег, ни всё это не убрал?

– Так только вчера горело, не успел я. Нынче и уберу.

– Теперь не спеши, любезный, – что-то забрезжило в голове у Геннадия Петровича, но он пока не уловил мысли, которая родилась где-то в глубинах сознания. – Ты натяни верёвку и никого туда не пускай. Понял?

– Понял! – И, не удержавшись, дворник спросил: – А за-

чем?

– Сказано – ограждай, значит, ограждай, – рявкнул полицейский, сам не знавший ответа. – Где находится квартира погорельца?

– Так во втором этаже, ваше благородие. Вон видите, рогожкой заткнуто окно? Так оно и есть. Стекольщик не успел вставить, мерку ещё утром снял. Не успел, подлец, видать.

– Квартира во втором этаже? – уточнил Бережицкий.

– Совершенно верно, во втором. На двери табличка блестящая.

Геннадий Петрович вошёл в парадную, проследовал по полу, выложенному светлым камнем с вкраплениями маленьких красных квадратов. Поднялся по лестнице и нажал кнопку электрического звонка, но так его и не услышал, поэтому снова нажал и больше не отпускал.

Звякнул металлическим скрежетом замок.

– Что вы трезвоните? – дверь открыла девушка в голубом платье и белом переднике, с покрасневшимся лицом, но, увидев незнакомого мужчину в приличном пальто, смутилась.

– Здесь проживает господин Елисеев?

– Здесь.

– Могу я с ним побеседовать?

– Как о вас доложить?

– Бережицкий Геннадий Петрович, из сыскной полиции.

– Егор Иванович сразу же просили вас препроводить к

нему.

В прихожей полицейский протянул девушке пальто и шапку, поправил пиджак и волосы.

Егор Иванович поднялся с кресла и сделал два шага навстречу полицейскому.

– Здравствуйте, – и, не зная, как продолжить, умолк.

Геннадий Петрович, видя нерешительность в движениях и словах хозяина, взял инициативу в свои руки.

– Бережицкий Геннадий Петрович, – отрекомендовался полицейский, – прибыл по поручению начальника сыскной полиции господина Филиппова произвести дознание по вопросу: поджог у вас был или несчастный случай.

– Да-да, именно, трагический случай с участием злодеев.

– Егор Иванович, я должен буду опросить не только вас, но, простите, и вашу супругу, и слуг, и... соседей.

– Будьте любезны, делайте так, как нужно для выявления истины.

– Благодарю, – кивнул головой полицейский.

– Садитесь, господин Бережицкий.

– Зовите меня Геннадием Петровичем.

– Хорошо.

– Егор Иванович, что вы можете поведать о трагическом случае?

Елисеев облизнул губы.

– Я... ничего. Пожар-то случился после нашего отъезда,

так что нечего сказать. Ну, я, – он передёрнул плечами, – в будуар не заходил. Не знаю, чем могу помочь, не знаю.

– Когда вы оставили ценные бумаги супруге, кто-нибудь из домочадцев это видел?

– Вроде бы нет, – нерешительным тоном произнёс хозяин.

– Вы в точности можете сказать?

– Да.

На лестничной площадке стоял полицейский. Хотя было довольно тепло, служивый даже не сделал попытки снять шинель. Только обливался потом, а услышав, как по лестнице кто-то поднимается, положил руку на рукоять сабли.

– Господа, сюда нельзя.

Филиппов удивился, но не подал виду.

– Пристав здесь?

– Не велено, – и сглотнул слюну – уж больно сердитым выглядел невысокий начальник сыскной полиции.

– Владимир Гаврилович, – ступил вперёд Лунащук, но был остановлен Филипповым.

– Доложи приставу, что прибыл начальник сыскной полиции с агентами, и живо, – Владимир Гаврилович не выдержал и последние слова процедил сквозь зубы. Как всегда, подумал он, российская расхлябанность: вызвать из сыскного отделения начальника и даже не предупредить пристава. – Вы, – он повернулся к сыскным агентам и указал пальцем на надзирателей, – расспросите всех в парадной, в том числе и дворника, в особенности привратника, видел ли кто сегодня посторонних в парадной. Выполняйте.

Вернулся сконфуженный полицейский, вслед за ним вышел бравый поручик, который щёлкнул каблуками, приложил руку к околышу форменной фуражки.

«В декабре – фуражка?» – удивился Владимир Гаврилович.

– Поручик Дексбах, младший помощник пристава, – представился военный. – Простите, не все служивые понимают приказы с первого раза, – и метнул грозовой мимолётный взгляд на полицейского, выполняющего роль часового. – Прошу, – и жестом пригласил войти в квартиру.

В кабинете, куда провёл пришедших поручик, находилось пятеро: хозяин квартиры, пристав, его второй помощник, доктор и, как ни странно, даже полицмейстер 1-го отделения столицы.

Горчаков сидел за столом, прижимая к правой щеке влажное полотенце. При появлении новых лиц двое вздохнули, не скрывая своих чувств. Если первый с облегчением, что, наконец, это дело перепоручено сыскной полиции, – этим человеком был подполковник Келлерман, пристав 1-го адмиралтейского участка Адмиралтейской части, – то второй, хозяин квартиры, скривился. Снова придётся рассказывать то, что поведал о нападении господам полицейским.

Полицмейстер Палибин поднялся со стула и пошёл навстречу Филиппову. Им приходилось не раз сталкиваться по службе.

– Здравствуйте, Владимир Гаврилович! – пожимая Филиппову руку, сказал полковник и тут же вставил шпильку: – А мы вас здесь заждались.

Начальник сыскной полиции, не ожидавший такого приёма, немного смутился и, словно бы оправдываясь, сказал:

– Я выехал сразу же после телефонного разговора с градоначальником.

При упоминании главы города хозяин вначале с интересом посмотрел на Филиппова, припоминая, что читал о блестяще, как писали в газетах, проведённых дознаниях по краже в Исаакиевском соборе, убийствах в Охтинской части и каком-то дворянине, из мести лишившем жизни семерых. И почувствовал себя не слишком комфортно: полиция занимается кровавыми преступлениями, а здесь обычный грабёж. Хотя неприятно ощущать, что чужие ноги ходили по квартире, а чужие руки касались твоих же вещей. Но тут же себя одёрнул: как же эти могли допустить, чтобы по столице, тем более возле дворца государя, шныряли убийцы и грабители? Это не Англия, где преступник шагу ступить не может, чтобы не оказаться под бдительным оком «бобби».

Горчаков, не вставая с места, поприветствовал начальника сыскной полиции кивком головы.

– Владимир Гаврилович, я понимаю, что становлюсь в вашей компании лишним, – он обвёл взглядом сидящих и прибывших, – тем более что здесь остаётся подполковник Келлерман, – указал рукой на Александра Петровича, – который мне доложит о принятых мерах. Так, господин Келлерман? – спросил официальным тоном.

– Так точно, – пришла очередь подняться и приставу 1

Адмиралтейской части, вслед за ним вскочил его старший помощник штабс-капитан Свинарский.

После ухода полицмейстера воцарилась неловкая пауза. Никто не решался её нарушить.

Филиппов взял стул и поставил напротив потерпевшего, оказавшись по другую сторону стола. Запоздало спросил:

– Разрешите?

– Помилуйте, вы, полицейские, уже освоились в моей квартире, так что считайте её своей, – в голосе хозяина читались нотки пренебрежения, даже слегка раздулись крылья носа.

Начальник сыскной полиции услышал за спиной сопение и скрип дерева. Понял, что пристав и его помощники тоже сели.

– Позвольте мне представиться...

– Это имеет значение? – Филиппов не понимал раздражительности хозяина.

– Андрей Николаевич, как я понимаю по вашему поведению, вы не хотите найти разбойников, так бесцеремонно ворвавшихся в вашу крепость...

– Крепость? – теперь в голосе Горчакова звучала насмешка. – Если бы я жил в Англии, то это была бы моя крепость, а в России я чувствую, что мой дом становится, простите, проходным двором.

– Ну, каждый сам решает, сделать из своего места проживания крепость или проходной двор, – последовал ответный

теннисный удар.

Горчаков с интересом посмотрел на коренастого мужчину с пышными усами, наклонил голову к правому плечу.

– Вы сейчас, Андрей Николаевич, думаете, способны ли эти, как бы помягче выразиться, неказистые люди найти вещь в собственном доме?

– Я... Нет, господин... – сделал вид, что не знает фамилии главного сыскного начальника столицы, хотя Филиппов видел, что отлично помнит.

– Филиппов Владимир Гаврилович.

– Нет, господин Филиппов, я так не думаю, но уповаю, что вы схватите злоумышленников сегодня, – голос звучал без иронии, но в глазах Горчакова плясали огненные чёртики.

– Пустых обещаний давать не привык, но я и мои сотрудники сделаем всё возможное, чтобы преступники предстали перед нашим правосудием.

– Не сомневаюсь, – теперь в голосе Горчакова проскальзывала ирония.

– Так вот, чтобы злоумышленники не ушли от наказания, необходимо ваше точное описание происшествия.

– Происшествия... – губы Горчакова скривились в подобие улыбки. – Для вас это обычное происшествие, так сказать, неприятный случай, который... – и Андрей Николаевич прикусил язык. Он и так наговорил слишком много лишнего. – Да, я уже рассказывал господину Палибину, но, если требуется снова.

– Андрей Николаевич, – Филиппова начал раздражать инженер, состоящий при Министерстве путей сообщения, но надо было сдерживать себя, иначе и дознание пройдёт впустую, и преступники могут ускользнуть. – Извините, но я интересуюсь происшествием не из праздного любопытства.

– Я понимаю, – Горчаков убрал полотенце от щеки, на которой краснело пятно.

«К утру наверняка превратится в большой синяк», – подумал Филиппов.

– Владимир Гаврилович, – инженер тяжело вздохнул, словно воспоминания о трагическом случае были ему очень неприятны. Потом большим и указательным пальцами помассировал нижнюю губу. – Сегодня я не собирался возвращаться рано со службы домой, но мне надо было после встречи на Фонтанке с Михаилом Ивановичем поработать дома, – Филиппов понял, что собеседник говорит о князе Хилкове, нынешнем министре путей сообщения, – пользуясь уважением у государя, – поэтому я так рано направился к себе на квартиру.

– В котором часу? Простите, Андрей Николаевич, – спохватился начальник сыскной полиции, – но я вынужден буду ваш рассказ перебивать наводящими вопросами.

– Что уж... Надо так надо, – с обречённым видом произнёс Горчаков и продолжал:

– Перед тем, как выйти из экипажа, я взглянул на часы. Ровно без получаса до полудня.

– Когда вы подошли к парадной, вы не видели саней, экипажей рядом с домом?

– Увы, – Горчаков развёл руками, – если бы знал, то наверняка обратил бы внимание, но, увы, – повторил ещё раз он.

– Вы же прошли через арку?

– Совершенно верно.

– Дворника не встретили часом?

Андрей Николаевич на миг задумался, даже сошлись на переносице брови.

– Вы знаете, я тогда не обратил внимания, но сейчас мне кажется, что двор был пуст. Я поднялся на этаж...

– Дверь была закрыта или открыта?

– Закрыта, я достал из кармана ключ.

– У вас есть прислуга?

– Что? – Горчаков не сразу понял вопрос, он вспоминал другие подробности, а здесь... – У меня приходящая кухарка, она приходит через день, и слуга Ефим. Сегодня я его отпустил.

– Ефим просил день сам, или вы отпустили его по собственной инициативе?

Хозяину не понравились последние слова, и он снова поморщился.

– Он сам.

– И когда?

– Не помню, но с неделю тому.

– У Ефима есть родственники в столице?

– Точно не знаю, – быстроответил Горчаков, но через секунду добавил: – Кажется, есть брат, но это не точно. Я никогда не интересовался родственниками своего слуги.

Филиппов обернулся и кивком головы дал Лунашуку понять, чтобы последний занялся слугой. Михаил Александрович незаметно выскользнул из кабинета.

– Простите, Андрей Николаевич, за вопрос: вы женаты?

– Нет, я холост, – сухо произнёс Горчаков.

– Что произошло дальше?

– Когда я открыл замок, почувствовал что-то неладное. Видите ли, я взял в привычку и так приучил Ефима, чтобы запирать замок на два оборота, а здесь один. Я не придавал значения, но, когда из глубины квартиры слышалось шуршание и чьи-то шаги, я, честно говоря, не испугался, а удивился. Кто это может быть? Сразу проследовал в гостиную, а там незнакомец, который вначале застыл, как мраморная статуя в Летнем Саду, но тут же пришёл в себя и бросился на меня. Повалил на пол, прижимая коленом горло, и начал бить по голове чем-то тяжёлым. Я не разглядел. Потом появился второй, но его я не видел, даже не смогу описать, в чём он был одет. Начал шарить по карманам, вытащил бумажник и вырвал часы. «Брось его, – сказал, – нам мокрое ни к чему». При этих словах я лишился чувств – слишком сильным оказался последний удар. Когда я пришёл в себя, сразу же телефонировал в министерство, а там вызвали по-

лицию.

– Елизавета Самойловна, вы вчерашний день хорошо помните? – спросил Бережицкий.

– Разве ж такой забудешь? – вопросом на вопрос ответила хозяйка, поправляя густые, соломенного цвета волосы и смотря, казалось, свысока голубыми глазами.

– Н-да, – Геннадий Петрович кивал головой со скорбным видом, – трагический случай.

– Вот именно. Я лишилась будуара, и неизвестно, сколько времени нужно, чтобы выветрился этот ужасный запах. Мне кажется, что он останется и после ремонта, – женщина поднесла шёлковый белоснежный платок к губам.

– Елизавета Самойловна, будьте любезны припомнить. Не могли вы забыть погасить спиртовую лампу для щипцов?

Хозяйка метнула в полицейского такой взгляд, что холод пробежал упо спине, но голос оставался бесстрастным:

– Не могла, я точно помню, что погасила.

– Простите, что потревожил вас своим бестактным вопросом, но я вынужден так делать. Служба.

– Я понимаю.

– Елизавета Самойловна, ваш супруг сказал, что перед отъездом он отдал вам на сохранение на семь тысяч рублей ценных бумаг?

– Так и было. Пять я положила в верхний ящик туалетного

столика, а две – в нижний. Только не спрашивайте, почему я так поступила. Всё равно не отвечу, не знаю.

– Нет, – улыбнулся Бережицкий, – спрашивать не буду. Вы лучше мне поведайте, при передаче денег кто-нибудь присутствовал?

– Я и Егор.

– Больше никого?

– На что вы намекаете, милостивый государь? – вспыхнула женщина.

– Из слуг никто не присутствовал?

Хозяйка погасила свой гнев и даже позволила себе улыбнуться.

– Нет.

– Вы в точности припоминаете?

Елизавета Самойловна задумалась.

– Нет, никто. Неужели я бы смогла забыть? Нет, присутствовали только Егор и я.

– Не буду вам больше докучать, Елизавета Самойловна. С вашего позволения, могу я побеседовать с вашими слугами?

– Можете, но толку не будет никакого.

Бережицкий искренне удивился.

– Почему?

– Мы с мужем их отпустили вчера, и они покинули квартиру вслед за нами.

– Благодарю за новость, но я обязан опросить и их.

– Почему вы сразу не телефонировали в полицию?

– Не пришло в голову.

– Скажите, вы смогли бы опознать человека, напавшего на вас?

– Склоняюсь к тому, что смог бы.

– Опишите его.

– Ростом таким же, как и у меня, ну, может, на полвершка повыше будет, – сощурил глаза Горчаков, вспоминая черты нападавшего, – лет до тридцати, руки сильные, но без мозолей. – Увидев недоумённый взгляд Филиппова, на четверть тона повысил голос. – Представьте себе, я успел разглядеть его ладони. Кстати, на безымянном пальце правой руки он носит то ли кольцо, то ли перстень. Простите, не слишком долго пришлось рассматривать мне сей предмет, – иронически добавил хозяин. – Так, что ему до тридцати лет, я сказал... Никаких приметных пятен и шрамов на лице не было, даже усов.

– Глаза, – подсказал Владимир Гаврилович.

– Заметил, что тёмные. Нос... не толстый и широкий, скорее, греческий, тонкий и острый. Зубы белые, чёрных провалов, когда он что-то говорил напарнику, я не заметил.

– Значит, передние зубы все целые?

– Именно так. Волосы были скрыты под шапкой, но мне

почему-то показалось, что пострижены коротко. Не знаю почему, но... и говорил этот человек приятным баритоном, хотя и старался не говорить громко. Видимо, эти бандиты боялись, что возню и шум услышат соседи.

– А второй?

– Вот его мне не довелось увидеть. Он находился всегда либо за моей спиной, либо за дверью. Но голос его напоминал мне скрип телеги, не спрашивайте почему, не отвечу. Просто так показалось.

– Вы запомнили, в чём они были одеты?

– Про второго я уже вам поведал, он для меня так и остался инкогнито, а вот первый... – Горчаков сощурил глаза и посмотрел куда-то в сторону, сжав губы, потом покачал головой. – На том, что меня душил, добротное пальто, оно оказалось расстёгнутым, так что мне пришлось лицезреть и его рубашку, и костюм. Их тоже не постеснялся бы надеть какой-нибудь из света. Видимо, для того, чтобы дворник и привратник не заподозрили в них обычных разбойников.

– Возможно, – согласился Филиппов. – Вы уже осмотрели квартиру и можете сказать, что они похитили?

– Увы, ещё не успел. Но, как я уже сказал, забрали бумажник чёрной кожи с моими инициалами «АНГ», часы, – это то, что достали из моих карманов.

– Андрей Николаевич, простите, но вы должны составить список, он нужен нам для проведения дознания. Возможно, нападавшие направятся к перекупщикам краденого или

в ломбарды. Простите, но я не буду вас утомлять перечнем действий, которые мы предпримем.

– Хорошо.

– Когда должен явиться Ефим?

– Утром.

– Он выпивает?

– Как обычный русский человек, – улыбнулся Горчаков, – когда подворачивается возможность.

Владимир Гаврилович не стал оспаривать последнее утверждение: как говорится, каждый судит согласно своим убеждениям.

Филиппов поднялся со стула, показывая тем самым, что не намерен больше беспокоить пострадавшего.

– Андрей Николаевич, если мне или моим сотрудникам придётся вас навестить для уточнения новых сведений, вы уж не обессудьте, такова служба.

Уже у двери начальника сыскной полиции догнал вопрос Горчакова.

– Вы всерьёз уверены, что найдёте грабителей?

Владимир Гаврилович улыбнулся, но ничего не ответил. Власков вышел вслед за начальником.

– Николай Семёнович, раз уж Лунашук занимается Ефимом, то будьте любезны, проверьте кухарку и дворника. Кто-то же должен был знать, что никого не будет в квартире.

– Я бы и хозяина не сбрасывал со счетов.

– Поясните, Николай Семёнович.

– Мог он сказать кому-то, что дома не будет слуги и его самого?

– Думаю, не мог. В их кругах о таких вещах не разговаривают и не интересуются. Хотя вы правы, исключать такой возможности нельзя.

В фойе первого этажа к Филиппову и Власкову подошли сыскные надзиратели.

– Владимир Гаврилович, – начал тот, что постарше с карими глазами, – к сожалению, из находящихся сейчас в доме хозяев и прислуги никто ничего подозрительного не видел и не слышал. А вот с дворником и швейцаром переговорить мы не успели.

– Хорошо, – сказал начальник сыскной полиции, – с ними мы переговорим сами.

Кухарка, женщина лет пятидесяти, с густыми седыми волосами, смотрела на Геннадия Петровича небесно-голубыми глазами, которые, как и добродушная улыбка на губах, прямо-таки кричали о том, что Ульяне можно верить на слово. Но полицейский надзиратель Бережицкий именно к таким людям относился с повышенным подозрением. В начале служебной карьеры он несколько раз поверил свидетелям, которые так искренне давали показания, что Геннадий Петрович был убеждён в правде и получал потом взыскания за упущения в делах по сыскному дознанию.

– Можете звать меня Ульяной, – с губ кухарки не сходила улыбка. Она вытирала передником и без того чистые руки. – Что можно добавить? – пожала плечами. – Мы с Катькой за господами ушли. Они сами нам позволили. Елизавета Самойловна, так та и сказала. Нас, говорит, сегодня не будет, так что в... этих самых, ну, вот, услугах, говорит, ваших с Катькой не нуждаемся. Сделайте себе свободным вечер.

– Так и сказала?

– Именно так. Мы сразу же и засобирались, как хозяйева за порог. Я к сестре, давно у неё не была. А Катька... – опять пожала плечами. – Это вы у неё, господин хороший, спросите.

– Скажи, Ульяна, могла хозяйка лампу зажжённой за-

быть?

Кухарка опустила взгляд на свои руки.

– Могла, рассеянная она. Иной раз, что положит куда-то, так потом по квартире и ищет.

– А хозяин?.. – хотел спросить, почему Егор Иванович о супруге говорит, как об аккуратистке, но сразу же прикусил язык, сам не понимая почему. Показалось, что время этого вопроса не пришло.

– Егор Иванович – человек степенный, он бы ничего не забыл, да в будуар, – она криво усмехнулась, – не заходит.

– Странно, он говорил, что перед отъездом разговаривал с Елизаветой Самойловной в будуаре и даже ценные бумаги ей оставил.

Кухарка застыла, словно её поймали за чем-то постыдным.

– Не знаю я ни о каких бумагах, – выпалила она, и её щёки побледнели. Это показалось надзирателю странным, но он ничего не стал более выпытывать. Подумал, что придёт срок.

– Хорошо, не видела так не видела. Значит, говоришь, хозяйка могла не погасить лампу?

– Могла, а как же пожар случился без этого?

– Вот и я об этом думаю. Ты мне подскажи, где я могу найти горничную?

– Катю?

– Да, её.

– Может быть, у Елизаветы Самойловны? Я ж не хозяйка,

чтобы за прислугой поглядывать.

Действительно, Катю Бережицкий нашёл рядом с хозяйской.

– Елизавета Самойловна, – с добродушным выражением лица Геннадий Петрович обратился к госпоже Елисеевой, – разрешите похитить вашу горничную на несколько минут?

– Будьте любезны, но только на несколько, – с кокетливой миной произнесла хозяйка.

– Совершенно верно, на несколько.

Полицейский надзиратель посмотрел на Катю. Девушка как девушка, лет эдак двадцати пяти, с миловидным личиком, ямочками на щеках и немного испуганным взглядом, словно полицейский пришёл её забрать в холодную.

– Тебя, голубушка, Катей кличут, не так ли?

– Да, – едва слышно произнесла девушка.

– Ты не расскажешь, что вчера здесь у вас произошло?

– Как что? – глаза Кати округлились от удивления. – Пожар.

– Я знаю, что пожар. Но вот гадаю и клубок распутываю: случай или несчастье?

– Какой случай? – изумление не уходило с её лица.

– Как какой?

– Случай?

– Вот и я гадаю, поджёт кто или само разгорелось?

– Ну, вы, барин... – она облегчённо вздохнула. – Поджёт... От огня, оставленного хозяином, и зарделось.

– Как это – от хозяйского огня? – Бережицкий выказал удивление. – Ведь пожар возник в будуаре Елизаветы Самойловны, а господин Елисеев туда не ходок.

– Как не ходок? – опять изумление на лице девицы. – Это он вам сказал? – она понизила голос почти до шёпота. – Вчера, перед тем как уехать на свадьбу, Егор Иванович заходил к Елизавете Самойловне.

– Ты сама видела?

– Зачем я вас обманывать буду?

Бережицкий пристально посмотрел в глаза Кати.

– А зачем Егору Ивановичу устраивать пожар?

– Нет, – замахала руками девица, – всегда так. Скажу одно в разговоре, а вот и вы подумали другое. Да не устраивал пожар Егор Иванович, а попросту ему Елизавета Самойловна велела загасить лампу, а он позабыл. Вот и занялось... Странно говорите, чтобы хозяин – и устроил пожар. По невнимательности.

– Почему он, а не Елизавета Самойловна?

– Хозяйка у меня строгая и никогда не позволяла себе что-то забыть. Она десять раз проверила бы. Так что только не она.

– А вот... – и Бережицкий тут же умолк, сморщил лоб, – скажи-ка мне, голубушка, вчера, когда хозяин посетил супругу свою, ты слышала, о чём они беседовали?

– Нет, о чём беседовали, не знаю, меня Елизавета Самойловна от себя отослала. Может быть, наша кухарка Ульяна

слышала. Я вышла, а она к хозяйке зашла узнать, что завтра готовить. Она могла слышать.

– Ага, – обрадовался Геннадий Петрович, – стало, быть, Ульяна могла слышать?

– Значит, ты, Сидор, служишь при доме дворником? – Филиппов с интересом рассматривал высокого мужчину, статью более походившего на медведя. Лопата в его руках казалась детской и не подходящей под пудовые кулаки.

– Так точно, ваше высокоблагородие! Пятый годок пошёл. – Дворник стоял, выпрямившись во весь рост.

– Стало быть, всех проживающих знаешь?

– Так точно.

– Сегодня посторонних в доме видел?

– Никак нет. – В глазах светилась такая честность, что в пору хозяину лопаты медаль за бдительность вручать.

– Как же так, Сидор? В квартиру господина Горчакова пробрались бандиты, а ты не видел?

– Ваше...

– Сидор, – поморщился Филиппов, – называй меня Владимиром Гавриловичем. Понял.

– Так точно, ваше... Владимир Гаврилович.

– Как же ты сторонних лиц в доме не заметил?

– Владимир Гаврилович, я ж на улице снег сгребал, мог, извиняйте, – приложил кулак к губам, потом опять вытянулся, – мог по нужде отлучиться. Но я всегда быстро... ворочаюсь. Может быть, они ждали, когда я в дворницкую уйду? – с надеждой в голосе произнёс дворник.

Филиппов тяжело вздохнул, вытянул в трубочку губы и почесал ус.

– Николай Семёнович, – начальник сыскной полиции повернул голову к Власкову, – распорядитесь агентам, чтобы опросили дворников, швейцаров соседних домов. Возможно, наши разбойнички не только здесь побывали, хотя... не думаю, что они знали, что господина Горчакова не будет дома. Но всё равно опросите.

Власков кивнул и направился к выходу, жестом подзывая к себе полицейских надзирателей. Передал распоряжения Владимира Гавриловича, сам же снова приступил к опросу дворников горчаковского дома.

– Значит, ты пятый год службу несёшь?

– Так точно, пятый.

– И говоришь, что всех проживающих знаешь, и кто к ним в гости ходит? – с прищуром спросил Филиппов.

– Истинно так.

– Господин Горчаков часто домой днём возвращается?

– Не скажу, чтобы часто, – в свою очередь сощурил глаза дворник и наморщил лоб, – чаще он в разъездах бывает.

– Что про его слугу сказать можешь?

– Про Ефимку?

– Про него.

Дворник пожал плечами.

– Человек как человек.

– Ты же с ним, наверное, не один раз разговоры вёл?

– Бывало, и перекидывались словами.

– У Ефима в столице родственники есть?

– Есть и брат, и две сестры, и племянники, но вот насчёт числа племянников честно сказать не могу. Что-то говорил, но я слушал краем уха. Какое мне дело до его родственников, если у самого... А, – махнул рукой.

– Жаловался, стало быть, на родственников?

– Бывало, и жаловался, но я же говорю, слушал его вполуха. Мне своих забот хватает, а он о своих твердит.

– Не знаешь, где они у него проживают?

– В этом помочь не могу. Хотя, – дворник поскрёб под шапкой затылок, – да вроде бы здесь, на Петербургской, – прищурил глаза, – нет, на Васильевском, – твёрдо подвёл итог.

Швейцар тоже ничего существенного не добавил. Всё твердил, что мимо него ни одна собака не проскочит, не то, что два неизвестных господина. Мол, научен и наслышан, как такое случается в чужих домах. А тут он не только всех хозяев и их гостей в лицо знает, но и может рассказать о фамилиях и даже адресах.

Полицейские надзиратели обошли находящиеся поблизости дома, но так толком ничего и не узнали. Никто ничего не видел, посторонних в дома не пускал, в лавки покупатели заходили.

– Разве всех упомнишь? – говорили торговцы.

Преступление совершено, но свидетелей нет, кроме самого пострадавшего – главного инспектора состоящего при Министерстве путей сообщения господина Горчакова, да и тот мало что видел. Но немаловажно, что запомнил лицо нападавшего.

– Надо бы Андрею Николаевичу показать альбом наших налётчиков, хотя нет. Более походят на воров, которые по квартирам орудуют. В случае господина Горчакова случайность вышла. Не рассчитывали разбойнички застать хозяина, – Филиппов стоял на тротуаре, рассуждал и строил планы, как этих самых воров в столице найти.

С самого утра Бережицкий приступил к просеиванию снега, в который из окна выбрасывали при пожаре мебель, одежду, какие-то безделушки, теперь выглядывавшие из потемневшей кучи.

Геннадий Петрович принёс с собою решето, и теперь наполнял его до краёв насыпанным из кучи снегом и промывал водою из трубы. Вода уходила, а Бережицкий рассматривал оставшееся; всякий мусор: щепки, камни, гвозди, – выбрасывал. Полицейский надзиратель опять наполнял снегом решето и проделывал всё по новой. Но не это занятие стало главным, хотя и должно было дать какой-то результат. Геннадий Петрович в то же время внимательно наблюдал за всеми любопытствующими, в особенности за дворовыми господина Елисеева.

Некоторые вполголоса начали насмехаться, вроде ёрничали, но боялись, что полицейский их заметит.

– Вишь, как шустро из пустого в порожнее переливает, ему бы цены у нас не было. Эх, работничек!

– В решето воду льёт!

– Смотри, к вечеру полное будет!

Бережицкий с исключительным спокойствием делал своё дело, только подмечал глазами самых весёлых.

Между другими он сразу подметил кухарку Ульяну, но те-

перь её глаза выражали совсем другие чувства, словно она испытывала беспокойство и чего-то боялась.

Геннадий Петрович продолжал свою работу до наступления сумерек, а смеркаться в декабре начинает рано. В четыре часа пополудни начинает окутывать город серый сумрак, через полчаса превращающийся в непроницаемую мглу. Но полицейский был настойчив и продолжил работу в свете принесённых фонарей. И замер, когда увидел в решете сверкнувшее тусклым светом что-то жёлтое.

– Золото? – то ли спросил, то ли ахнул дворник.

– Оно самое, – Бережицкий протёр находку рукавом, блеснул камень, вправленный в золото.

Через минуту Геннадий Петрович выудил из снега угол обгорелой бумаги с частью номера серии.

– Всё же не напрасно трудился! – обрадовался надзиратель. – Не напрасно, – и покачал головой.

Дворник молчал, только поднял повыше лампу.

Вопрос прозвучал, словно выстрел. И Бережицкий с удивлением узнал в спросившей Ульяну.

– Значит, не поджог? – вопрос звучал довольно странно.

– Не похоже на поджог! – ответил он и внимательно взглянул на спросившую.

Ульяна вдруг обрадовалась, но скрыла улыбку платком и лёгкой походкой торопливо направилась к чёрной лестнице.

Поздним вечером Геннадий Петрович докладывал на-

чальнику сыскной полиции.

– Владимир Гаврилович, – полицейский надзиратель развернул тряпицу и положил на стол перед Филипповым бриллиант в оправе и несколько оставшихся после огня клочков бумаги, в которых угадывались номера процентов, – по всей видимости, в комнате действительно хозяйка оставила лампу, и от неё произошло возгорание.

– Значит, хозяйка.

– Получается, что так, но... – Бережицкий замялся.

– Что «но»?

– Владимир Гаврилович, мне показалось подозрительным поведение кухарки. Когда я высказал, что произошла случайность, то она очень уж обрадовалась.

– Всекие причины для радости бывают, – философски подметил Владимир Гаврилович.

– Но здесь что-то нечисто, позвольте...

– Даю тебе два дня и ни часом больше, – перебил подчинённого Филиппов, – итак дел невпроворот, а здесь с этим, – и он указал рукой на лежащую на столе тряпицу и блестящий в свете электрической лампы благородный камень.

II

1

– Сдаётся мне, любезные господа сыскные агенты, что ничего нам разбойнички не оставили, – Филиппов сидел в кресле за рабочим столом и поглаживал пышные усы.

– Почти ничего, – подал голос стоявший, прислонившись к шкафу, Лунащук.

– Я вас слушаю.

– Дворник соседнего двора видел, как из подворотни выскочили два господина. Одного он описал такимже образом, как наш пострадавший: молодых лет, без растительности на лице, в пальто чёрного цвета. Второй в шляпе...

– В такое время года?

– Именно так. Шляпу он надвинул на глаза, но дворник заметил у него небольшую бородку русого цвета. Двигался второй тоже довольно шустро.

– Значит, можно сказать, что и второй молодых лет?

– Я тоже склоняюсь к этому мнению. Они приехали на санях, обычных, без каких бы то ни было примет, так что их найти не представляется возможным.

– Но как дворник рассмотрел издалика грабителя?

– Говорит, тот напомнил ему зятя.

– Зятя? – правая бровь Филиппова поползла вверх.

– Зятя, его я проверил. Он весь день провёл на службе, никуда даже на четверть часа не отлучался, да и служит он у лавры. Не смог бы быстро добраться, и тогда бы на глаза тестю попался бы.

– Вы правы.

– Вот... – начал было Власков, но начальник его не услышал.

– Господа, завтра я попрошу господина Горчакова явится к нам, в сыскное. И здесь вы должны показать альбомы с фотографическими карточками преступников, которые ранее были замечены в грабежах и воровстве. А сейчас – отдыхать.

На следующий день Бережицкий прошёлся по соседним с елисеевской квартирам, опросил прислугу. Правда, ничего нового не узнал. Скорее, навестил место преступления для очистки совести.

– Дяденька, – во дворе к надзирателю подошла девочка лет семи, в коротком куцем пальтишке, словно бы с чужого плеча, – это вы пожаром интересуетесь?

– Ну, я, – ответил грубо Геннадий Петрович, но потом смиростивился и даже улыбнулся. – Какое, однако, несчастье случилось. Надо же вот так, на ровном месте.

– Если пяточок дадите, то я вам расскажу, как дело было. Бережицкий остолбенел от неожиданности.

– Ты... что-то знаешь?

– А как же. Сама внизу стояла и всё видела.

– Не врёшь?

– Дяденька, я всегда правду говорю. Меня тятя так научил, – и она недовольно поморщилась.

– Так что ты видела?

Девочка протянула руку, в которую Геннадий Петрович вложил выуженную из кармана маленькую серебряную монетку.

– Держи.

– Я, конечно, многого не видела, – девочка спрятала за

спину руку с пятью копейками, – но... Сейчас по порядку. Огонь появился в окне не сразу, сперва дым повалил...

– Форточка открыта была?

– А вот и нет, – покачала головой собеседница. – Я тут во дворе иной раз за птицами наблюдаю, так вот, – она понизила голос, – сперва кто-то форточку открыл, и оттуда белый такой дым повалил и в комнате огонь запылал, словно свечку большую зажгли. Я не поняла, что пожар начался, иначе я бы деду раньше сказала.

– А дед твой кто?

– Дворником тут служит, – по-взрослому произнесла девочка.

– А ты, случаем, никого не видела потом, когда огонь разгорелся?

– Никого, я же к деду побежала.

– Ты, может, видела, как господин Елисеев с женой уезжали?

– Видела.

– А после них кто из дому выходил?

– Сперва Катя, эта которая горничной у Елизаветы Сам... – девочка споткнулась об отчество госпожи Елисейвой.

– Самойловны, – подсказал полицейский.

– Да-да, а вслед за ними Катя.

– А кухарка Ульяна?

– К той сын пришёл, вот после этого она уехала.

– Сын?

– Ну да, сын Григорий. Он всегда мне гостинец давал, – она надула губы, – а вчера тенью промелькнул и меня даже не заметил.

– Значит, кухарка вместе с сыном ушла?

– Да нет же! Я же говорю, что сперва Катя, потом, когда Григорий прошёл, кухарка, а потом уже сам Гришка.

– Это ты точно помнишь?

– Эдакий вы недоверчивый, я вам в точности рассказываю.

– А Гришка ушёл до того, как ты огонь заметила, или после?

– После.

– Глаз, вижу, у тебя острый, – сощурил глаза Бережицкий и часто задышал, словно гончая, напавшая на след. – А ты, ненароком, не заметила – Григорий один приходил или с товарищем?

– Один, – кивнула головой собеседница.

– Вот что... как тебя зовут?

– Маша.

– Вот что, Маша, вот тебе ещё пятак, но ты больше никому о том, что мне рассказала, ни-ни. Поняла?

– Никому, – подтвердила девочка и спрятала ещё одну монетку.

Геннадий Петрович хотел сразу же направиться с вопро-

сами к кухарке, но осадил себя.

«Я ещё толком ничего не знаю, а сразу же в галоп, – сказал он себе, – тут надо с чувством, с толком и расстановкой. Сгоряча рубить не стоит».

Для начала полицейский установил полное имя кухарки, откуда она родом, каких лет. Кто-то – то ли Елисеев, то ли его супруга – упомянул, что, действительно, есть у Ульяны сын. На вопрос, как его зовут, только пожимали плечами – мол, а зачем им это знать, если он при них не служит.

Идти к кухарке не хотелось, поскольку, если Григорий в чём-то замешан, то он попросту может скрыться, а тогда ищи ветра в поле.

Поэтому Бережицкий сперва решил навестить хозяйку, которая не осмелилась послушаться мужа и приняла полицейского чиновника для беседы.

Ничего нового он не услышал, но последняя фраза заинтересовала:

– Геннадий Петрович, простите, что запаматовала, я ж бумаги разделила на две части. Пять тысяч оставила в верхнем ящике, а две засунула в нижний, там же и брошь лежала с бриллиантом.

Владимир Гаврилович внимательно выслушал Бережицкого.

– Таким образом, подтверждаются ваши подозрения, что был поджог, – произнёс он вслух то ли утвердительно, то ли

вопросительно.

– Я тоже так думаю, – отозвался полицейский надзиратель. – После того, как я обнаружил в снегу, куда сбрасывали горящие вещи, золотую брошь с бриллиантом и обгорелые остатки ценных бумаг, решил, что произошёл случай. Забыла Елизавета Самойловна зажжённой лампу, а здесь такая вот катавасия. И сын кухарки этот...

– Да, Геннадий Петрович, видимо, поджигатель не знал о том, что госпожа Елисеева разделила ценные бумаги на две части, забрал из верхнего ящика то, что увидел, высыпал из шкатулки драгоценности и устроил пожар.

– Именно так.

– И вы подозреваете, что поджог устроил сын кухарки?

– Он.

– И разговор о ценных бумагах могла слышать кухарка?

– Горничная подтвердила, что могла.

– Но каким образом кухарка могла известить сына о том, что в ящике будуара будут лежать ценные бумаги?

– Владимир Гаврилович, этим вопросом вы рушите все мои построения. Пока не знаю.

– Вот что, любезный Геннадий Петрович, ищите этого самого Григория и посыльного, местного мальчишку, который мог отнести записку: скорее всего, кухарка узнала о том, что дом на время остаётся бесхозным, и вызвала сына. Ищите причину. Видимо, этому Григорию срочно понадобились деньги, об этом знала мать, поэтому и устроили такую им-

провизацию.

– Владимир Гаврилович, – смущённо сказал Бережицкий, – вы мне отвели два дня на поиски, боюсь, не успею.

– Два дня отменяются, и в помощь тебе отрядим... Кого бы ты хотел?

У Геннадия Петровича на щеках выступили красные пятна, словно от смущения.

– Ивана Бубнова.

Полицейский надзиратель третьего разряда Бубнов был молод, но это компенсировалось вдумчивым отношением и прирождённой сыскной хваткой.

– Ну, вы, Геннадий Петрович... – покачал головой Филиппов.

– Вы же...

– Лучших агентов в помощники просите.

– Владимир Гаврилович...

– Ступай и передай Ивану Бубнову, что я его отрядил вам в помощь.

– Благодарю, – расплылся в улыбке Бережицкий и почти бегом покинул кабинет начальника, боясь, чтобы последний не передумал.

Андрея Николаевича не пришлось уговаривать, чтобы он явился в сыскное отделение. Главный инспектор только спросил:

– Господин Филиппов, в котором часу вас не затруднит меня принять?

Владимир Гаврилович готовился к долгому разговору, а здесь...

– В котором я вам не причиню беспокойства?

Господин Горчаков ни на секунду не задумывался, а сразу же произнёс в чёрный раструб телефонной трубки.

– В два часа пополудни вас устроит?

– Жду вас, Андрей Николаевич.

Горчаков с интересом листал альбомы с фотографическими карточками преступников, несколько раз останавливал долгий взгляд то на одном лице, то на другом. Потом отрицательно качал головой.

– Увы, не он.

Когда закрыл последнюю страницу последнего альбома, сказал извиняющимся тоном:

– Простите, господин Филиппов, но среди просмотренных мною лиц того молодого преступника не было.

– Жаль, – посетовал начальник сыскальной полиции.

– Значит, как я понял, вы их не разыщете?

– Андрей Николаевич, вы превратно поняли мои слова. Я сказал, жаль, что вы никого не узнали. Нам это облегчило бы дознание, но теперь придётся идти не самой короткой дорогой, а чуть подлинней. И уверяю вас, что разбойники, напавшие на вас, будут найдены.

– Обычно в романах в таких случаях для успокоения потерпевшего дают обещания.

– Вот это зря, могу вас уверить, что в обычае дают обещания те, кто не способен на самостоятельное мышление. А у нас крепкая служба, мы и без обещаний не даём покоя столичным и приезжим преступникам.

– Рад слышать это от нашего российского полицейского.

– Да, мы не англичане, но кое-что в сыском деле мы смыслим. Простите, Андрей Николаевич, что вынужден был вас отвлечь от важных дел, но вы сами понимаете, что чем больше мы узнаем, тем лучше для дела.

Через четверть часа Филиппов распорядился, чтобы к нему пригласили Власкова и Лунащука. Последние не заставили себя ждать. Явились минута в минуту, и на обоих лицах читался невысказанный вопрос: опознал ли потерпевший кого-нибудь по фототографической карточке портрету?

– К сожалению, мы топчемся на том же самом месте, где были и вчера. Грабители у нас слишком неприметные. Никто их не видел, никому на глаза не попадались.

– Не совсем так, – подал голос Власков, – сегодня с утра мы вновь побывали у дома господина Горчакова. Михаил Александрович разговаривал со слугой потерпевшего, а я вновь прошёлся по домам в ту сторону, куда преступников увезли сани. Так вот, оказалось, что на первом перекрёстке лошадь чуть было не сбили переходящего улицу. Им оказался Степан Переверзев, служащий при графе Миронове. Почему известно имя? – Николай Семёнович посмотрел на начальника. – Этот самый Переверзев пожаловался городовому, тут же несущему службу. Так вот, Степан тоже описал молодого человека, который бил господина Горчакова. И добавил ещё одну деталь. Видимо, когда Андрей Николаевич упал, то задел лицо бандита и оставил на нём двойную царапину.

– В каком смысле «двойную»?

– Горчаков ногтями двух пальцев оцарапал лицо нападавшего.

– Примета, конечно, важная, но через несколько дней от неё не останется ни следа, и тогда придётся уповать только на портрет, составленный господином Горчаковым.

Молчание оставалось ответом.

Первым нарушил воцарившуюся тишину Владимир Гаврилович.

– Любезные господа, о том, что в квартире никого не будет, могли знать преступники только от двух человек.

– От самого хозяина, – подхватил Власков.

- И его слуги Ефима, – дополнил Лунащук.
- Что тогда рассиживаемся?

Согласно сведениям, полученным в Адресном столе, Григорий Перинен в столице не проживал. Бережицкий ранее уточнил, что кухарка венчалась двадцать четыре года тому с чухонцем, который через год попросту исчез, не оставив по себе ничего, только сына, которого Ульяна назвала в честь своего отца. И записала Григорием Григорьевичем Периненом. Это озадачило Геннадия Петровича. Ведь если он явился на квартиру господина Елисеева так скоро, то должен был проживать недалеко. Тем более дворник дома, где поселился сын Ульяны, должен был заполнить листок прибытия не позднее следующего дня. А здесь получалась не совсем ясная картина. Либо Григорий проживает по чужим документам, либо хорошо знаком с хозяином метлы и лопаты.

– Ну, что, Ваня, – озадаченно спросил Бережицкий у Бубнова, – как нам найти этого самого Перинена?

Иван, молодой человек двадцати шести лет, снял с головы шапку и пригладил волосы.

– Геннадий Петрович, – молодой сотрудник сыскной полиции со всеми был уважителен и обращался исключительно на «вы», – у меня есть одно предложение, но боюсь, оно вам не понравится.

– Высказывай, а уж это предложение мы обсудим.

– Стоит пойти к Ульяне, так зовут кухарку, – и на утверди-

тельный кивок старшего товарища по службе продолжил: – Так вот, стоит пойти к Ульяне и прямо у неё спросить, где находится её сын.

– Но она же сразу насторожится.

– А мы этого и добиваемся.

– Не пойму я, – сжал губы полицейский.

– Вы высказали соображение, что Григорий проживает где-то рядом. Так?

– Да, я так думаю.

– Значит, наша подозреваемая запиской предупредила сына о том, что в доме Елисеева крупная сумма денег, и стоит пошевелиться, чтобы дело сошло с рук. Так?

– Так.

– Тогда, следуя размышлениям кухарки, Григорий понадобился полиции отнюдь не для награждения, а попал он отчего-то в подозрение. Так?

– Ну что ты, ей-богу, Ваня, заладил: «так», да «так», ты толком говори.

– Ну, ладно, – Бубнов тяжело вздохнул, – весь эффект от моей речи, Геннадий Петрович, пропал впустую. Если она в прошлый раз отправила кого-то за сыном, то почему сейчас не попытается его предупредить?

– В твоих словах что-то есть, – и Бережицкий прищуренными глазами посмотрел на Ивана и погрозил ему указательным пальцем, но тут же спохватился: – А если не пошлёт?

– Тогда пойдёт сама, – так же спокойно сказал полицей-

ский надзиратель третьего разряда.

– А если не пойдёт?

– Не буду убеждать, дорогой Геннадий Петрович, давайте посмотрим. Для начала посетим вашу разлюбезную Ульяну Перинен.

– Но если... – и Бережицкий вновь погрозил указательным пальцем.

Кухарка встретила полицейских с настороженностью. Смотрела в сторону, словно прятала взгляд.

– Ульяна, – первым сказал Бубнов, – не будешь ли так любезна поведать нам об ухажёре Катерины?

– Каком? – изумилась кухарка.

– А что, у неё не один? – спросил Бережицкий.

– А что, она не делится с тобой новостями? – следом задал вопрос Бубнов.

– А что, должна? – не осталась в долгу кухарка.

– А что, ты с ней не в одной квартире проживаешь?

Ульяна зло посмотрела на молодого полицейского и увидела в нём скрытого врага.

– Если бы я следила за всеми новостями, то мне недосуг было бы готовить.

– Это так, но неужели ты с ней ни о чём не разговариваешь?

– Некогда мне с ней ласы точить, – злость так и прорывалась сквозь ту любезность, которую Ульяна хотела изобра-

зить перед полицейскими.

– Не знаю, – задумчиво произнёс Иван, пригладив и без того ровно лежащие волосы, – а вот она нам о твоём сыне Григории поведала. Говорит, загляденье молодой человек, – Бубнов отметил, как тень беспокойства пробежала по лицу собеседницы, – заботливый, говорит, мать не забывает, частенько в гости приходит...

– Врёт она всё, на меня наговаривает.

– Как это врёт? Неужели матери неприятно, когда сын в гости заходит?

Женщина умолкла, явно искала отповедь.

– Давно его не видела, – наконец выдавила из себя кухарка, – далеко ему и накладно из Выборга сюда ездить. Катька путает всё, это к ней, когда хозяев дома нет, этот самый, как его, – обрадовалась, словно вспомнила имя, – вот, Пашка заходит, и он её у дома, когда пожар случился, ждал, – с нажимом произнесла она и добавила торопливо: – А сына я давно не видала.

– Не видала так не видала, большой беды в этом нет.

– Вы, господин Бережицкий, – фамилию Геннадия Петровича произнесла без ошибки, словно неоднократно повторяла, – к хозяевам или как?

– К хозяевам, – кивнул головой полицейский надзиратель, – вот принёс неприятную новость, что они сами виновны в пожаре.

– А что ж вы про сына моего спрашивали? – вырвалось у

кухарки, но она тут же прикусила язык и несколько раз перевела взгляд с одного собеседника на второго.

— Когда приносишь плохую весть, всегда хочется отсрочить разговор, вот и идёшь словно на плаху.

— А-а, — протянула Ульяна, — да вы не бойтесь, хозяева у нас добрые.

— Вы, Геннадий Петрович, несите весть господам Елисеевым, а я уж подожду вас на улице, в портерной.

— Всегда вот так, — пробурчал Бережицкий, приняв правила игры у младшего товарища, — как хорошую весть, так ты, а как... — и, махнув рукой, направился к Егору Ивановичу.

К хозяевам Геннадий Петрович так и не зашёл — в тот час, когда полицейские беседовали с кухаркой, господин Елисеев с супругой укатили на встречу со старыми приятелями.

В портерной, находившейся на противоположенной стороне от дома погорельцев, Бубнов устроился за столом, стоящим у окна, и с интересом поглядывал на арку. Из неё, по расчётам Ивана, должен был появиться либо гонец, либо сама Ульяна. Первым вышел Бережицкий, и не успел он пройти к столу, за которым наслаждался пивом Иван, как из-под арки выбежал малец лет десяти, в шапке-ушанке с торчащим вверх ухом. Через десяток шагов остановился, оглянулся на дом, покачал головой и дальше начал фланировать по улице прогулочным шагом.

Полицейские переглянулись — во взгляде Бережицкого

читалось удивление, смешанное с уважением, – и, не говоря ни слова, направились за мальцом.

Господин Горчаков, невзирая на потрясение от наглого налёта преступников, не сказался больным, а убыл с самого утра на службу. В квартире оставался Ефим.

Когда в дверь кто-то позвонил, слуга Андрея Николаевича струсил и на цыпочках, сняв туфли, прокрался ко входу и стал прислушиваться к звукам на лестничной площадке. Но, к своему несчастью, ничего не услышал – ни звуков, ни голосов. Потом набрался смелости и отворил замок. Резонно рассудив, что бандиты два дня подряд одну и ту же квартиру грабить не будут. И хозяин спуска не даст, если он не узнает, кто приходил и зачем.

Перед Ефимом предстал элегантный господин в хорошем дорогом пальто и с тростью в руке. Незнакомец спросил:

– Ты Ефим?

Слуга Андрея Николаевича ещё больше оробел. И посетовал на себя, что поддался минутной слабости и отворил дверь.

– Я, – заикаясь, выдавил он из себя.

– Вот ты-то мне и нужен. Михаил Александрович Луначук, чиновник для поручений при начальнике сыскной полиции, – отрекомендовался незнакомец.

Ефим облегчённо вздохнул и вытер со лба выступившие внезапно на лбу капельки пота.

– Я Ефим, ваше благородие, – более уверенно повторил слуга.

– Хорошо, голубчик, хорошо. Тем более нам с тобой есть о чём поговорить.

Ефим услышал какую-то скрытую угрозу в словах чиновника для поручений и почувствовал, как по спине потёк холодный ручеёк.

– Ва...

– Ефим, мы здесь будем разговаривать, или всё-таки пропустишь в квартиру?

Слуга отступил в сторону, приглашая незнакомца войти, а потом, когда Михаил Александрович прошёл вглубь квартиры, опомнился: ведь не спросил даже документа! А вдруг один из вчерашних бандитов вернулся?

Лунашук обернулся, словно спиной почувствовал растерянность Ефима.

– Читать умеешь?

– Умею, – произнёс тот, запинаясь.

– Вот, – и чиновник для поручений предъявил документ, удостоверяющий, что коллежский секретарь Лунашук Михаил Александрович состоит в должности чиновника для поручений при начальнике сыскной полиции господине Филиппове.

– Ваше благородие, я ж вам... – хотел сказать «верю», но как-то это вышло бы нелепо. Какой-то там слуга крестьянского рода выказывает недоверие дворянину. – Ваше благо-

родие, вы простите, но вот вчера...

– Я по этой причине и хочу с тобой поговорить, – тон визитёра стал серьёзным.

– Да я, ваше...

– Хватит вашкать, зови меня Михаилом Александровичем, а то заладил: «ваше благородие, ваше благородие», – не выдержал Лунашук.

– Ва... Михаил Александрович, что ж я знаю, если меня и дома-то не было?

– Ефим, мы будем с тобой в коридоре беседовать или проводишь меня в гостиную?

– Пожалте.

Лунашук прошёлся по гостиной, остановился у окна, приподнял тростью штору.

– Стало быть, здесь всё и произошло.

– Точно так, как Андрей Николаевич рассказывали.

Чиновник для поручений хотел сесть в кресло, но передумал, отодвинул от стола стул и сел, положив ногу на ногу.

– Значит, говоришь, тебя дома не было?

– Совершенно верно, меня барин отпустил до вечера.

– Странно получается, – Лунашук пристально посмотрел на слугу, – ты присядь, голубчик. В ногах, как говорится, правды нет, а мне она нужна, ибо тех разбойничков мы скоро повяжем, – многозначительно добавил чиновник для поручений, постукивая тростью по левой ладони. – Пока не поздно, Ефим, рассказывай.

– О чём, ва... Михаил Александрович? – слуга заёрзал, намереваясь вскочить, но так и остался сидеть на краешке стула.

– Обо всём, – Лунашук подмигнул собеседнику.

– О каком «обо всём»? Меня в квартире не было, я ничего не видел. Об чём я смогу рассказать?

– То-то и странно, Ефим, – Лунашук поднялся и начал прохаживаться от окна до стены и обратно, при этом не теряя из виду слугу. – Видишь ли, ты отпросился у Андрея Николаевича, сам господин Горчаков должен был быть на службе. Отсюда получается, что кто-то сообщил преступникам, что в квартире никого не будет.

В голове Ефима вихрем закружились мысли. и тут же он их высказал:

– Вы думаете, что это я разболтал бандитам?!

– Ну, а кто ещё? По-твоему, сам господин Горчаков разболтал, что слугу отпустил до вечера?

– Вам, конечно, виднее, Михаил Александрович, но вы напраслину на меня возводите. Я при господине Горчакове десятый год состою и никаких обид от него не видел. И что я буду грабителей на него наводить? Эге, – покачал головой Ефим, потом опять что-то мелькнуло у него в голове. – Скажите, а не проще ли мне было вернуться самому, я же знал, что хозяина дома не будет, и совершить покражу, словно кто-то к нам залез. И не надо с подельниками делиться. Так что понапрасну вы меня обижаете. Я десять лет верой и прав-

дой... – по щеке слуги потекла слеза. – Напрасно вы так.

– Хорошо, Ефим, я допускаю, что ты невиновен, но тогда расскажи, как и от кого бандиты узнали, что в квартире никого не будет?

Малец оказался довольно шустрым, и двое полицейских из сыскной полиции едва его не упустили.

Ещё ранее надзиратели не сошлись между собой во мнениях.

– Если ты, Ваня, прав, то посыльного надо брать сразу.

– Э, – говорил второй, – а если он ничего не скажет? Тогда что?

– Хорошо, соглашусь с тобой в том случае, если сама Ульяна пойдёт сына предупреждать. Тогда за ней проследим, а вот если, не дай бог, какого она мальчонку пошлёт, то можем его упустить, и... ищи тогда по белу свету поджигателя.

– Геннадий Петрович, давайте уговоримся: что Григорий – поджигатель, это пока наши с вами подозрения. А как было на самом деле, надо выяснить.

– Но ясно же и без...

– В том-то и дело, что Григорий побывал у матери перед самым пожаром, но мы же с вами не знаем причины его прихода.

– Тогда мы у посыльного это и узнаем.

– Вашими бы устами...

На том и порешили. Если появится Ульяна, то проследить за ней, а если посыльный... то по обстановке.

Малец не оглядывался, а шёл, засунув руки в карманы.

Наискосок перебежал через Каменноостровский проспект, едва не попав под гружёную телегу, невесть откуда появившуюся здесь. Свернул на Большую Монетную и остановился напротив дома номер 8. И только там посмотрел по сторонам, словно проверял, не следует ли кто за ним.

Бубнов едва поспел за ним. Заметил в последнюю минуту, как малец постучал ногой в дверь квартиры первого этажа, отпрянул назад.

– Что пришёл? – послышался приятный баритон после того, как скрипнула дверь.

– Маманя ваша записку прислала.

Послышался шорох, потом мальчишка произнёс:

– Э, нет, – Бубнов представил, как он спрятал за спину руку, – в прошлый раз мне обещан был полтинник, а я получил двугривенный.

– Ладно, вот тебе...

– Не, полтину.

– Да я тебе уши надеру.

– Догоните сперва, – малец отскочил в сторону.

– Ладно, получай свою полтину.

Мальчишка опрометью промчался мимо Бубнова, едва не задев последнего.

Раздался металлический щелчок.

Иван понял, что дверь заперта. Почти на цыпочках, чтобы не создавать излишнего шума, полицейский сперва поднялся на три ступени и посмотрел на номер квартиры, потом

вышел из парадной.

– Ну что? – нетерпеливо спросил надзиратель первого разряда.

– Там он.

– Один?

Бубнов усмехнулся: мол, откуда мне знать?

– Может быть, его... – сощурил глаза Бережицкий.

– Можно, но давайте, Геннадий Петрович, поступим так.

В парадной швейцара нет, поэтому я узнаю у дворника, кто проживает в квартире за номером два. И сколько там человек бывает. А потом уже решим, что делать дальше. Хорошо?

– Ладно, но чтобы одна нога здесь...

Дворник, моложавый мужчина с небольшой бородкой и хитрым взглядом бегающих маленьких глаз, сперва начал рассказывать о других жильцах, увидев в Иване слишком молодого неопытного полицейского. Но когда Бубнов взял хитреца за воротник и встряхнул, последний стал словно на полголовы ниже.

– Ваше благородие, двое там живут. Один Гришка, фамилию не знаю, – дворник сжал крепче лопату так, что побелели костяшки пальцев. Видно, что испугался. – Шустрый такой, лет двадцати пяти, разговорчивый, байки любит травить, а вот второго я толком не видел. Ходит в форменной шинели, но какого ведомства, я не разглядел. Он, гад, и на глаза мне не попадался, а ежели кто к ним записки переда-

вал, то всегда молодой принимал... Где они были два дня тому? Ваше благородие, откель мне знать? Они иной раз утром уходят, а иной днём, возвращаются поздним часом... Что ночами делают? А почём знать, – метнул робкий взгляд на полицейского, – я ж, ваше благородие, за ними не слежу.

– Почему их паспорта в участок не отнёс?

Дворник побледнел.

– Ладно, с тобой хозяин разбираться будет, а мне другое интересно: почему ты преступников укрывал?

– Да я...

– Ты, голубчик, в нехорошую историю попал. Не понял, что они приходят в разное время и паспорта не отдают? Ты с ними заодно и их покрываешь?

– Ваше...

– Что «ваше»? Только сейчас тебе стало ясно, кто они?

– Да я...

– Ладно, об этом позже поговорим, а теперь говори, кто сейчас в квартире?

– Так только молодой.

– Откуда тебе известно?

– Так тот в шинели ещё с утра куда-то ушёл...

– Ты ж говорил, что лица его не видел?

– Со спины только, а Гришка меня в трактир посылал за пирогами и пивом.

– Понятно. Они просили тебя, чтобы предупреждал, когда кто-то к ним интерес проявит?

– Да.

– Тогда стой здесь, и ни шагу с места. Если узнаю, что ты предупредил, то на каторгу тебя ушлю.

– За что?

– Да хотя бы за убийство.

– Ваше...

– А ты что думал, медаль за безупречную службу от градоначальника получишь?

Иван повернулся и направился в парадную, где остался ждать Бережицкий.

Геннадий Петрович лежал на первой ступеньке лестницы и держался за живот.

– Гришка... сбе... жал... тот... то... же... меня... а... я... а... – и лишился чувств.

– Михаил Александрович, – на глазах Ефима выступили слёзы, – ну, не повинен! Никому я не говорил о том, что в квартире никого не будет. И не знаю, откуда эти вот прознали.

– Хорошо, я тебе, допустим, верю, но каким образом бандиты оказались, как говорится, в нужном месте и в нужное время, каким?

– Михаил Александрович, не знаю. В день тот я только с утра отпросился у Андрея Николаевича...

– А господин Горчаков говорит, что ты за день до несчастного случая просил тебя отпустить, – каменное лицо Лунащука ничего не выражало.

– Андрей Николаевич путает...

– Может, ты меня путаешь?

– Как мне вас уверить, что не виновен я ни в чём.

– Вспоминай тогда, любезный, где и когда от тебя могли слышать преступники, что никого дома не будет?

– Если б я... если б я... – Ефим вытер слёзы рукавом, – не знаю я!

Филиппов выслушал Лунащука, тронул указательным и большим пальцами усы.

– На самом деле, я согласен с вами, Михаил Александрович,

вич. Ефиму незачем организовывать кражу на квартире Горчакова. Вы говорите, что он служит при Андрее Николаевиче десятый год?

– Да, десятый.

– Ну вот, Ефим своего хозяина хорошо знает и, действительно, если бы имел желание что-то украсть, то Горчаков бы и не заметил пропажи. Зачем ему так рисковать?

– Владимир Гаврилович, вы правы. Но кто-то же имел возможность узнать об отсутствии в квартире не только хозяина, но и слуги?

– Пока мы имеем загадку, тем более о Ефиме Горчаков не стал бы рассказывать в компании.

Дверь в кабинет Филиппова отворилась, и на пороге застыл полицейский надзиратель третьего разряда Бубнов. Всколоченные волосы, дико горящие глаза, прерывистое дыхание – всё говорило о том, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Вла... Вла... Владимир Гаврилович, – наконец начал более или менее спокойно дышать.

– Сядь, – властно произнёс начальник сыскной полиции и указал рукой на стул, – сядь и глубоко вздохни три раза.

Иван выполнил распоряжение.

– Теперь докладывай.

– Вы придали меня Геннадию Петровичу в помощь расследовать дело о пожаре у господ Елисеевых. Бережицкому удалось узнать, что к несчастному случаю, возможно, прича-

стен сын кухарки Григорий Перинен. Вот его поисками мы и занялись. Рассудили: если он причастен, то живёт где-то неподалёку, потому что Ульяна, его мать, вызвала его запиской и Григорий довольно быстро прибыл.

– Поэтому, – перебил Филиппов, – вы сочли за лучшее нагнать на кухарку страху, чтобы либо она сама направилась к сыну, либо снарядила посыльного. Понятно. Нашли?

– Нашли.

– Посчитали, что Григорий один и не вызвали подмогу из «Летучего отряда» для арестования?

– Не совсем так. Пока Геннадий Петрович стоял на карауле недалеко от двери квартиры, где проживает подозреваемый, я отправился беседовать с дворником. Оказалось, что в квартире проживают двое: Григорий и неизвестный, которого дворник толком не смог рассмотреть.

– Дворнику много заплатили, чтобы он закрыл глаза и не отнёс паспорта в участок?

– Не выяснил.

– Что случилось? Упустили?

– Да, – потупил взор Бубнов, – Григорий, получив записку, видимо, засобирался и сбежал, ранив при этом ножом в грудь Бережицкого...

– Геннадий Петрович жив?

– Слава богу, рана не смертельная, но в память Геннадий Петрович пока не пришёл.

– Вы меня до добра не доведёте. Хорошо, что жив, а то,

что подозреваемый ушёл, — полбеда. Куда он от нас денется? Ладно, — Филиппов опустил взгляд на руки, которые положил сцепленными в замок, на столешницу. И подытожил. — По двум делам у нас продвижения нет, подозреваемый в поджоге сбежал, а в нападении на господина Горчакова у нас даже и подозреваемого нет. Негусто, господа, негусто. Что ты собираешься, Иван, предпринять?

— Если честно, то пока... не совсем уверен в том, что надо делать. Устраивать засаду в квартире, где жил Григорий? Бесполезно — он, видимо, забрал ценные вещи, деньги и документы, поэтому выйдет пустая трата времени. Остаётся следить за кухаркой — если она держит сношение с сыном, то непременно Григорий должен ей написать или прислать посыльного...

— Вот именно, Ваня, если пришлёт письмо или телеграмму, то слежка за кухаркой бессмысленна.

— Но если забрать Ульяну на допрос, то она всё равно ничего не скажет. И во второй раз на уловку со слежкой не попадётся.

— Верно, но мы можем оповестить полицейские части и участки о розыске Григория Перинена. Вторую квартиру ему трудно будет найти, да и не по карману. За одну он каждый месяц почти двадцать рублей отваливал, а ещё за вторую.

— Владимир Гаврилович, а если квартира есть у его соучастника?

— Не думаю, — начальник сыскной полиции склонил голо-

ву к правому плечу. – Вот ты, Ваня, говоришь, что их двое. Жильё получили, потому что, – посмотрел на Бубнова, – дворник их знакомец, а значит... Вот что, Михаил Александрович, возьмите с собою трёх агентов из «Летучего отряда»...

– Можно и мне? – вскочил со стула Иван.

– Как же без тебя? Ты с дворником беседу имел, так что тоже поезжай с Михаилом Александровичем. И действуйте согласно обстановке и полученным сведениям. Понятно?

– Конечно, – Лунащук отошёл от шкафа, к которому прислонялся плечом.

– И быстро, господа. Если Григорий пока не приходил, то из дворника верёвки вейте, на кол посадите, но узнайте, кто его свёл с Григорием. И не забудьте про обыск в квартире – может быть, там преступники в спешке что-то могли забыть.

На следующий день Филиппов принял первую посетительницу, которая, всхлипывая, вытирала платком лицо. Не успела она и рта открыть, когда в дверь кабинета раздался настойчивый стук.

– Простите, – сказал начальник сыскной полиции, – видимо, срочное дело. Войдите.

Дежурный чиновник остановился в нерешительности.

– Что там?

– Извините, но дело, не терпящее отлагательств.

– Докладывайте, – поморщился Владимир Гаврилович.

– Но...

– Что стряслось?

Дежурный чиновник скосил взгляд на даму.

– Ну?..

– Двойное убийство.

– Где?

– На Гороховой.

Филиппов нахмурил лоб и прикоснулся рукой к усам.

– Простите, госпожа Свешникова, но служба...

– Я понимаю, – вскочила со стула женщина, – убийство – это так ужасно, но жизнь продолжается... Извините за назойливость, но когда вы сможете меня принять?

– Видимо, завтра. Простите ещё раз, но увы...

Когда госпожа Свешникова вышла из кабинета, Владимир Гаврилович поиграл желваками.

– Вы сообщили, что я выезжаю? – обратился он к дежурному чиновнику.

– Да, я взял на себя смелость и предупредил подполковника Келлермана, что вы прибудете с минуты на минуту.

– Гороховая? – наморщил лоб Филиппов. – В каком месте?

– Пересечение с Большой Морской.

– Вы сказали, двойное убийство?

– Совершенно верно. Один из убитых – нападавший, а второй – хозяин квартиры, титулярный советник Иващенко Иван Самсонович.

– Кто он?

– Управляющий Санкт-Петербургской ссудной казны.

– Час от часу не легче. Теперь и из Министерства финансов надо ждать гостей.

Владимир Гаврилович поднял взгляд на пятый этаж дома, где совершилось двойное убийство. Сверху на начальника сыскной полиции взирали кариатиды, не меняющие застывших каменных лиц и не догадывающиеся, что этажами ниже пролилась безвинная кровь.

Младший помощник пристава поручик Дексбах стоял у входа в парадную. Видимо, пока не займёт должность повыше, так и будет встречать «гостей».

– Здравия желаю, господин Филиппов, – быстрым жестом приложил руку к головному убору, – Николай Семёнович, – приветствовал Власкова, чему последний был удивлён.

– Александр Петрович?

– Господин Келлерман уже здесь.

– Ну, провожайте к нашему покойнику.

Оказалось, что титулярный советник Иващенко занимал квартиру из пяти комнат во втором этаже. Подле двери, как и в прошлый приезд, стоял полицейский, но теперь ростом под десять вершков и с абсолютно непроницаемым лицом. Вытянулся, когда штабс-капитан появился на лестничной площадке.

– Прошу, – младший помощник пристава открыл дверь и отступил на шаг в сторону, пропуская начальника сысской полиции.

В столовой за большим овальным столом сидел Александр Петрович, положивший скрещенные руки на белоснежную скатерть, напротив расположился старший помощник штабс-капитан Свинарский. Не хватало для полноты картины только полицмейстера Палибина.

Филиппов поприветствовал начальников 1 Адмиралтейского участка кивком головы.

– Словно бы не прошло двух дней, – констатировал подполковник Келлерман.

– Сегодняшний случай более трагического свойства, – тихо проговорил Владимир Гаврилович. – И снова дома один

хозяин?

– Совершенно верно, – у Александра Петровича задёргались глаза, – хозяин отпустил слугу и кухарку. Не хотел, чтобы видели даму, которая его должна была посетить.

– Даже так?

– Да, – кивнул головой подполковник, – мы уже разыскали и слугу, и кухарку, они под стражей в одной из комнат.

– Где трупы? – поинтересовался Филиппов.

– В спальне, – ответил за пристава его старший помощник. – Простите, но мы были вынуждены уступить требованиям господина Брончинского, и теперь он колдует над телами.

– Простите, но если кухарку и слугу разыскали, то кто сообщил об убийстве?

– Произошёл занятный случай. К городовому, который держит пост у участка, подошла женщина с тёмной вуалью и попросила передать записку мне. Пояснив, что дело касается жизни и смерти. Мне передали написанные несколько строк, – пристав протянул клочок бумаги, вырванный из тетради. Пока Филиппов читал: «Господин пристав! В доме номер 13 по Гороховой, во втором этаже в квартире 6, произошло убийство. Не медлите и не сочтите это за розыгрыш». – Тот продолжал: – Сперва я отправил к Ивану Самсоновичу своего человека проверить, правдивы ли сведения или нет. Спустя некоторое время и я оказался здесь.

– Даму, конечно, городской не запомнил?

– Он путано описал её: то она в длинной шубе, то в короткой, но самое примечательное, что в шляпке с вуалькой, невзирая на декабрьскую погоду.

– Она пришла пешком?

– Вот этого городской припомнить не смог, больше смотрел на записку.

– Значит, именно эта дама – гостья Иващенко?

– Скорее всего.

– Иван Самуилович, – Филиппов обратился к старшему помощнику пристава, – а что нашли вы?

– Я прибыл минут через десять после того, как Александр Петрович отправил меня с проверкой. Дверь оказалось только прикрытой, на зов никто не откликнулся. Я прошёл по комнатам и в спальне обнаружил два трупа – хозяина и неизвестного. Сразу же отослал полицейского с трагическим известием.

Пока Филиппов разговаривал с приставом и его старшим помощником, из спальни вышел, поправляя очки, Брончинский.

– Здравствуйте, Владимир Гаврилович!

– И моё вам, – наклонил голову начальник сыскной полиции. – Чем порадуете в этот раз?

Константин Всеволодович устало посмотрел на присутствующих в столовой.

– Если не вдаваться в детали, то грабитель застал хозяина дома...

– Не наоборот?

– Отнюдь. Господин Иващенко был одет в домашнюю одежду, поэтому можно предположить, что именно его застал преступник. У хозяина в руке оказался канцелярский нож, у грабителя – деревенский. Почему, спросите, деревенский? Такие в лавках у нас не продают, сами увидите ручку. Так вот, кто из них напал на другого, судить не могу, но, – улыбнулся, – состоялась дуэль на ножах, из которой никто не вышел живым. Господин Иващенко скончался сразу на месте, а преступник ещё некоторое время жил, отполз в сторону. Вы сами это увидите, но, Владимир Гаврилович, у меня есть некоторые подозрения, что в квартире присутствовал кто-то третий. Это, – добавил он торопливо, – пока мои догадки, не подкреплённые фактами. Доктор после вскрытия, надеюсь, что-то сможет прояснить.

– Константин Всеволодович, вы завершили обследование?

– Я – по сути да, а вот Роголов сейчас делает фотографические карточки. Ему недолго осталось.

– Как вы сумели так меня опередить? – под широкими усами Филиппова появилась улыбка.

Иван Самсонович лежал на спине, раскинув в стороны руки. Из груди торчала рукоять ножа. Действительно, вырезана из какой-то ветки, ошкурена. Такими пользуются в деревнях, когда лезвие куёт кузнец, а остальное мастерит кто на что горазд. Кровь намочила белую сорочку и протекла на

пол, где оставила заскорузлое пятно.

Открытые глаза безучастно смотрели в потолок, последнее, что они запечатлели в умирающем мозгу.

Преступник лежал на боку, нож и у него торчал из груди. Голова, казалось, втянута в плечи, хотя у покойников обычно расслабляются мышцы. Бандит не сделал попытки вытянуть острое лезвие. Глаза закрыты, словно кто-то сторонний помог ему их закрыть.

Когда убитого преступника перевернули на спину, стала видна царапина на правой щеке.

Брови Филиппова поползли вверх и, обернувшись к Власову, он спросил:

– Николай Семёнович, Роголов не уехал? Попросите его подойти сюда.

Через несколько минут фотограф вернулся в комнату с фотографическим аппаратом.

– Сергей Иванович, надо сделать карточку с этого вот красавца. Сумеете?

Роголов только пожал плечами.

– А к вам, Николай Семёнович, задание: после того как Сергей Иванович сделает карточку, поезжайте к господину Горчакову и разузнайте, не наш ли грабитель побывал в гостях у Андрея Николаевича?

На прикроватном столике лежало кучкой всё, что было обнаружено в карманах грабителя: ассигнации на сумму сто пятнадцать рублей, немного мелочи медной и серебряной,

какой-то массивный золотой перстень с зелёным камнем, один билет внутреннего займа.

Но документов не нашлось.

Владимир Гаврилович покрутил в руке перстень. На внутренней поверхности читались выгравированные изящные буквы «Е.И.Е.». Начальник сыскной полиции положил перстень на столик, поднял билет внутреннего займа. Прищурился, сжав до боли губы.

Что-то он слышал недавно о билетах. Но что?

Потом поднял перстень и опять посмотрел на гравировку.

– Господи, – сказал он вслух. – Николай Семёнович, – позвал чиновника для поручений.

– Господин Власков отбыл по вашему распоряжению, – произнёс, стоявший, прислонясь к косяку, пристав Келлерман. – Вы что-то нашли?

– Кажется, маленькую зацепку.

– Если не секрет, то какую?

– Я не хочу пророчить, но на щеке убитого царапина, и она нанесена господином Горчаковым.

– Вы хотите сказать, что один преступник найден?

– Скорее всего.

Полицейские надзиратели, которые были взяты для опроса дворника, швейцара, слуг, кухарок, ничего нового к дознанию не добавили. Посторонних никто не видел, тем более что на первом этаже здания располагалась фабрика турецкого табака и папирос торгового дома для караимов Га-

бая и Мерчи с двумя десятками рабочих, портерная «Старая Бавария» и кофейня «Универсал», через которые проходило множество посетителей. И запомнить каждого из них не представлялось возможным.

Так и получилось, что если и пили грабители в портерной пиво, то запомнить их никто не мог, хотя оставалась маленькая надежда показать фотографическую карточку убитого бандита официантам. Возможно, тогда и вспомнили бы.

Хотя...

Если рассудить, то преступники выбирают объекты для нападения с умыслом. Господина Горчакова дома не должно было быть. Он вернулся невовремя, а вот господин Иващенко ждал даму. Оставалось побеседовать с кухаркой и слугой.

Кухарка, тучная женщина лет пятидесяти, производила странное впечатление. Широкое лицо, тёмные с проседью волосы и испуганные глаза – то ли за свою дальнейшую судьбу, то ли по иной причине.

– Иван Самуилович... простите, – она смахнула слезу краем фартука, – ой, что деется... Господин полицейский, найдите вы этих супостатов. Такого человека... – и заплакала.

– Ты успокойся, господина Иващенко уже не вернуть, а вот злодеев, что его жизнь забрали, мы непременно найдём, – утешал кухарку Владимир Гаврилович.

– К Ивану Самойловичу по четвергам приходили барышни. Одна ли или разные, мне неизвестно, но он нас с Петром на полдня отпускал. Это, стало быть, чтобы мы ненароком с

дамой не встретились.

– Значит, даму или дам ты узнать не сможешь?

– Само собой, не смогу.

Пётр тоже добавить к сказанному ничего нового не мог, только пустил слезу по такому хорошему барину.

– А бабы, звиняйте, барин, дамы не столь стеснительны сами были, раз уж к холостому мужчине запросто ездили.

Но было ещё одно обстоятельство, даже два: билет внутреннего займа и перстень с гравировкой «Е.И.Е.». Что первое, что второе можно проверить только в сыскном отделе-нии.

III

1

Николай Семёнович вернулся от господина Горчакова в приподнятом настроении.

– Владимир Гаврилович, – заявил он почти с порога, – Андрей Николаевич нападавшего опознал по фотографической карточке. Это именно тот, который был у нашего Горчакова.

Филиппов мог бы телефонировать главному инспектору, состоящему при Министерстве путей сообщения, и пригласить для опознания, но был так увлечён новой версией, что счёл самым правильным отправить с фотографической карточкой чиновника для поручений.

Дверь отворил понурый Ефим, но, увидев Николая Семёновича, почему-то обрадовался.

– Барин, – в голосе звучала неподдельная искренность, – Андрей Николаевич дома, но находится, как он говорит, в состоянии, как её, ипохондрии. Во, пока выговоришь, язык сломаешь. Приказал никого не принимать.

– Так ты, голубчик, доложи.

– Так не велено.

– Ты меня не зли. Я не за милостыней явился, а по служеб-

ному делу. Доложи, что пришёл чиновник для поручений при начальнике сыскной полиции Власков. И быстро мне!

Не прошло и минуты, как Ефим вернулся.

– Следуйте за мной.

Хозяин поднялся из-за рабочего стола и кивнул головой в знак приветствия.

– Простите за мой домашний вид, – Горчаков выглядел стройным даже в толстом халате, – но я не хочу никого принимать. – На левой стороне его лица расплылся тёмный, почти чёрного цвета синяк. – В таком виде я не стал появляться на службе, и министр проявил ко мне участие, разрешил остаться дома.

– Андрей Николаевич, – Николай Семёнович расстегнул пальто, – я к вам на несколько минут, сами понимаете, что дознание иной раз требует беспокойства.

– Понимаю.

Власков достал из кармана пиджака конверт с фотографией убитого и потянул хозяину квартиры.

– Не будете ли вы так любезны сказать, знаком ли вам этот человек?

Горчаков достал из конверта фотографическую карточку, взглянул на неё и изменился в лице.

– Это труп? – спросил он внезапно осипшим голосом.

– Увы. Так вы узнаете этого господина?

– Да, это тот, кто бил меня, – Горчаков указал рукой на опухшую щёку, – и пытался меня убить. Значит, вы его?.. –

Андрей Николаевич поднял удивлённый взгляд на чиновника для поручений.

– Нет, – коротко ответил Власков, – мы всегда имеем указание брать преступника живым, даже если он сопротивляется. Здесь иной случай – при ограблении ещё одной квартиры хозяин, обороняясь, убил этого бандита.

– Убил?

– Так уж стряслось.

– Значит, нападение устроили одни и те же люди, – с удовлетворением произнёс Владимир Гаврилович. От полноты чувств начальник сыскной полиции даже поднялся и прошёл по кабинету, – но не только это важно, – Филиппов остановился. – Знаете, Николай Семёнович, есть ещё одна хорошая новость. Вот не знаю, как к ней относиться. В карманах убитого преступника найден билет внутреннего займа с номером, якобы сгоревшим в пожаре на квартире господина Елисеева.

Власков присвистнул.

– Вот так поворот!

– Николай Семёнович, – Владимир Гаврилович выдвинул ящик стола, достал перстень и протянул Власкову, – а теперь посмотрите на гравировку.

– Е. И. Е. – раздельно выговаривая каждую букву, произнёс чиновник для поручений Власков и поднял непонимающий взгляд.

– Ах да, вы же, видимо, не знаете. Бережицкий вёл дело о пожаре в квартире одного купца, так вот, гравировка может означать инициалы пострадавшего – Егора Ивановича Елисеева.

– Дела связаны? – Николай Семёнович наморщил лоб.

– Вполне возможно, хотя... – Владимир Гаврилович не договорил и взялся за ус. – Не верю я, Николай Семёнович, в такие совпадения. Но даже если преступник у нас один, то всё равно хочу в этом убедиться. Съезжу к господину Елисееву. Может быть, он что-то сможет прояснить.

С экспертом Брончинским начальник сыскной полиции столкнулся в дверях.

– Я к вам, Владимир Гаврилович!

– Вижу по вашему озабоченному лицу, что есть новости?

– Есть, но не будем же мы о них говорить в дверях.

– Простите, – и Филиппов пропустил Константина Всеволодовича в кабинет. Вернулся вслед за экспертом Власков.

– Новости таковы: нож действительно изготовлен не для продажи, а, так сказать, для личного пользования, где-нибудь в деревне или селе, где есть кузнец. Но не это главное, господа. Я ассистировал доктору Стеценко при вскрытии убитых на Гороховой, и выяснилась любопытная деталь – ширина ран не соответствует ширине лезвий ножей, которые мы обнаружили в телах.

Филиппов и Власков обменялись взглядами.

– Следовательно, убийца поставил сцену борьбы хозяина и грабителя для нас? – Николай Семёнович то ли утверждал, то ли спрашивал.

– Видимо, да.

– Таким образом второй бандит хотел отвести от себя подозрения и представить нам убитого преступника единственным исполнителем, – сказал Филиппов. – Я не знаю, была это мимолётная жалость к Горчакову или далеко идущий план, но так или иначе, это внушило Андрею Николаевичу мысль о том, что второй преступник менее кровожаден.

– Да, Владимир Гаврилович, вы правы, ведь от господина Горчакова нам всё равно стало известно, что нападавших двое и один из них – противник убийства.

– Сейчас он хочет нам показать, что главным был убитый, – Владимир Гаврилович посмотрел в окно и задумчиво добавил: – Что-то мне подсказывает – убийства продолжатся, но не сейчас, а через некоторое время. И нападения совершены не случайным образом, их должна связывать какая-то нить. Пока я её не улавливаю.

– Самая простая нить – это, – Брончинский улыбнулся, показав белые зубы, – как ни странно, женщина.

– Не очень похоже, – отмахнулся Власков. – Я же не говорю, что это истинный мотив, – пошёл на попятную Константин Всеволодович.

– А ведь вы можете оказаться правы, – посмотрел на эксперта Филиппов.

– И каким образом? – Николай Семёнович был удивлён, что начальник сыскной полиции поддержал Брончинского, казалось, в бредовой идее.

– Можно допустить, что у них одна любовница или они пользовались услугами одной и той же... дамы, – последнее прозвучало двусмысленно. – Надо мне навестить господина Елисеева, – добавил Владимир Гаврилович, – и самому прояснить некоторые детали. Кстати, где Бубнов?

– Вы же его с Михаилом Александровичем направили на квартиру, где проживал Григорий.

– Ладно, поехали.

Егор Иванович, смущаясь от того, что принимает дорогих гостей в домашнем виде, пригласил начальника сыскной полиции и чиновника для поручений в кабинет.

– Садитесь, господа, – указал рукой хозяина на изящные стулья.

– Благодарю, – кивнул Филиппов, достал из кармана перстень и протянул Елисееву. – Вам знакома эта вещица?

– А как же, – обрадовался Егор Иванович, – это ж мой перстень. Он находился в шкатулке у моей супруги. Вот на нём и мои инициалы: Е.И.Е – «Егор Иванович Елисеев». Вы нашли поджигателя?

– Да, – коротко ответил Владимир Гаврилович.

– Кто он? – нетерпеливо спросил хозяин. – Простите, если в интересах следствия вы не можете назвать его имя, то...

Начальник сыскной полиции не обратил внимания на слова Елисеева.

— Егор Иванович, вы видели когда-нибудь вот этого человека? — и протянул хозяину дома фотографическую карточку.

— Увы, — тот отрицательно покачал головой, — не припомню, — и, подняв взгляд на Филиппова, тихонько произнёс: — Он мёртв?

— К сожалению.

— Я не предполагал... — побледнел Елисеев.

— Егор Иванович, можете быть спокойны, вашей вины ни в чём нет. Человек, запечатлённый на карточке, замечен не в одном преступлении. Поэтому понёс заслуженное наказание.

— Я...

— Лучше посмотрите ещё раз внимательнее. Может быть, вы встречали этого человека ранее? Может быть, на него обратила внимание прислуга, или он крутился во дворе, что-то вынюхивая?

— Владимир Гаврилович, рад бы вам помочь, но в данном случае я бессилен.

— Хорошо. Вы не будете возражать, если я опрошу всех живущих в вашем доме?

— Отнюдь.

Уже взявшись за ручку двери, ведущей из кабинета, Филиппов спросил:

– Егор Иванович, простите, вам имена Андрея Николаевича Горчакова и Ивана Самсоновича Иващенко о чём-нибудь говорят?

– А как же, – с некоторым удивлением ответил хозяин. – Я бы не сказал, что они близкие мои приятели, но иногда мы встречаемся за карточным столом, то у меня здесь, то у Андрея Николаевича на Большой Морской, то на Гороховой у Ивана. А в чём, собственно, дело?

– Ничего существенного, Егор Иванович. Преступник, изображённый на карточке, побывал и у них.

– Тоже поджоги?

– О, нет, там кражи. Кстати, не подскажите, за карточным столом вы собирались втроём?

– Нет, у нас был и четвёртый. Разве вам Иващенко и Горчаков не сказали?

– В ту минуту меня занимали иные мысли. Не соблаговолите назвать четвёртое имя?

– Владимир Гаврилович... – надул губы Егор Иванович.

– Господин Елисеев, пока вы утаиваете имя, которое, кстати, можно узнать у ваших компаньонов по карточному столу, возможно, у четвёртого господина в квартире находятся воры, или они появятся чуть позднее.

– Заведующий паспортным делом производством канцелярии градоначальника, коллежский советник Василий Андрианович Суворков.

– Простите, где он проживает?

– Ропшинская, три.

В коридоре Филиппов шепнул Николаю Семёновичу.

– Живо на Ропшинскую!

Первой опрошенной оказалась супруга господина Елисева. Предъявленную фотографическую карточку она долго крутила в руках.

– Господин Филиппов, – она скорчила гримаску, – вроде бы и видела сего господина, но вот где?.. Простите, хотела бы помочь, но... по правде напоминает мне кого-то, но... – и развела руками.

– Елизавета Самойловна, извините за назойливость, вы знаете господ Горчакова, Иващенко и Суворкова?

Супруга господина Елисеева вспыхнула, гневно скользнув прищуренными глазами по полицейскому, но потом вмиг побледнела.

– Нет, – вырвалось у неё, но она тут же попыталась сгладить свою неловкость. – Мой муж – заядлый картёжник, и с этими господами иной раз просиживает далеко за полночь.

– Вы были им представлены?

– Ну, я же хозяйка! – возмутилась Елизавета Самойловна.

– Прошу простить за бестактные вопросы, но меня извиняет только одно – моя служба.

С этими словами Владимир Гаврилович приложился к руке госпожи Елисеевой и откланялся.

Горничная Катя опознала изображённого на фотографической карточке господина сразу же.

– Да это же Гришка, сын Ульяны!

– Ты его хорошо знаешь?

– Не очень. Приходил иногда к матери, пытался ухаживать за мной, но мне такие не нравятся.

– Какие? – спросил Филиппов.

– Есть порода людей, не только среди господ, – Катя поняла, что сказала что-то лишнее, исподлобья взглянула на начальника сыскной полиции, но тот словно не слышал последних слов, – есть такая порода людей, у которых, кроме одной пары исподнего белья, ничего нет, но они себя королями чувствуют, словно все сокровища мира у них в кармане.

– Гришка приходил с кем-нибудь или в одиночестве?

– Один, да и то я заметила, если и появлялся, то обязательно в отсутствие господ.

С кухаркой Владимир Гаврилович решил поговорить в сыском отделении. Всё-таки сын Ульяны оказался замешан не только в поджоге, но и в ограблении со смертельным исходом, да и сам лишился жизни.

Филиппов, хотя и допрашивал людей разного звания и положения, но всегда страшился разговоров с женщинами. Всё бы ничего, но слёзы и истерическое поведение действовали на него угнетающе.

– Садись, Ульяна, – начальник сыскной полиции стоял за столом. Воспитание не позволяло садиться первым, даже при особе низкого происхождения.

– Благодарствую, – как ни странно, кухарка выглядела спокойной, без испуга в глазах, даже нотки насмешливости звучали в голосе.

Вслед за женщиной в кресло опустился Филиппов и положил руки на столешницу. Не слишком вежливо, но... обстоятельства требовали сосредоточенности.

– Ты, наверное, догадываешься, по какой причине тебя сюда привезли?

Она пожала плечами, но ничего не ответила, только спустя минуту нарушила паузу.

– Вы, барин...

– Владимир Гаврилович, – подсказал хозяин кабинета.

– Простите, запомнила, Владимир Гаврилович! В последнее время вы интересуетесь пожаром у моих господ.

– Совершенно верно.

– Но, к моему сожалению, Владимир Гаврилович, к тому, что я поведала ранее, ничего добавить не могу.

– Ульяна, так у нас разговора не получится.

– Простите, барин, но раз привезли меня сюда, то вы держите меня в подозрении?

Вопрос не застал Филиппова врасплох.

– Да, держу.

Женщина явно не ожидала такой откровенности. Она от-

крыла рот, но тут же закрыла. Опять возникла пауза, в течение которой начальник сыскной полиции разглядывал кухарку, наклонив голову набок.

– Я ушла вслед за хозяевами, и Катька может это подтвердить.

– Она и подтвердила.

– Вот.

– Но есть ещё маленький штришок. Ты знаешь этого человека? – Филиппов протянул ей фотографическую карточку Григория.

Ульяна, едва взглянув на портрет, вернула карточку Владимиру Гавриловичу, явно что-то обдумывая.

– Вы же уже знаете, что это мой сын Григорий.

– Хорошо, тогда следующий вопрос. Когда ты его видела в последний раз?

– Давно, – кухарка нахмурила брови, словно пытаюсь вспомнить, – месяц тому, а может, и больше.

– По моим сведениям, он приходил за час до пожара.

Женщина сверкнула глазами.

– Ваши сведения ошибочны. Видимо, с кем-то перепутали Григория.

– Возможно. Так где сейчас Григорий?

– Он проживает в Выборге, служит на каком-то судне матросом.

– У него есть приятели?

– Наверное, – пожала плечами кухарка и торопливо доба-

вила: – Но я их не знаю. Гриша редко бывает у меня, но о приятелях не рассказывал.

– Ульяна, не подскажешь, кому ты посылала записки по адресу: «Большая Монетная, восемь»?

Женщина побледнела, глаза её свернули, но выражение лица не изменилось.

– Не знаю, Владимир Гаврилович, о чём вы. Никаких записок я не посылала.

– Что ж, пусть будет так. Не посылала так не посылала. Но вот что мой свидетель ошибся, – Филиппов улыбнулся, – я даже допустить не могу. Очень уж большое он вызывает доверие.

– Ошибся ваш свидетель, ошибся. Не мог мой Гриша приходить в день пожара, не мог!

– Я же сказал, Ульяна, что это не самый неблагоприятный поступок Григория. Есть, к сожалению, и другие.

Женщина насторожилась и сжала в руке угол платка.

– Какие? – голос её дрогнул, и теперь в глазах читался, кроме заинтересованности, ещё и испуг.

– Ты говоришь, что приятелей у Григория не было, но, видишь ли, Ульяна... – Филиппов снова протянул карточку кухарке. – Тебя ничего не смущает на портрете?

Женщина робко взяла карточку и сразу же закрыла рот ладонью.

– Он здесь как будто...

– В том-то и дело, что не «как будто», Ульяна.

– Он... – кухарка сглотнула слюну, – мёртв?

– Мне хотелось бы сказать иное, но увы, у меня служба такая – иногда приносить людям трагические известия.

Кухарка выронила из рук карточку, закрыла ладонями лицо. И по её мелко трясущимся плечам начальник сысской полиции понял, что слёз в этот раз ей сдержать не удалось.

На Ропшинской, в квартире заведующего паспортным делопроизводством творился суший бедлам. Гувернантка не могла справиться с пятью детьми в часы, когда госпожа Суворкова уезжала с визитом к престарелой матушке.

Николаю Семёновичу открыла дверь средних лет горничная, не утратившая девичьей красоты. Густые волосы обрамляли лицо, на котором светилась приятная улыбка и ярко-голубые глаза.

– Простите, но Василий Андрианович убыли на службу, а Наталья Николаевна навещают госпожу Иванову.

– Что у вас так шумно? – поморщился Власков.

– Дети, – улыбнулась женщина.

– Такое ощущение, что у вас целый табор.

– Всего лишь пятеро. Что вам угодно передать Василию Андриановичу?

– Передай мою карточку, – Николай Семёнович протянул визитку, – и проси телефонировать господину Филиппову, начальнику сыскной полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.